

Влада Ночь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПОРОЧНЫЕ
СВЯЗИ

18+

Влада Ночь

Порочные связи

<https://litres.ru/74217958>

SelfPub; 2026

Аннотация

То, что начиналось как опасная игра, перестало быть игрой слишком быстро. Никто не хотел чувств, никто не ждал привязанности, но страсть оказалась сильнее, а желание — безжалостнее любых правил.

Она пытается сбежать — он не отпускает. Она кричит, что ненавидит, но ее тело говорит обратное. Она готова сгореть в этой одержимости, и он давно горит вместе с ней. Между ними то, чего они оба боялись. То, от чего теперь невозможно спрятаться, потому что всего одна ночь изменила всё...

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1. Елена	6
Глава 2. Елена	20
Глава 3. Елена	33
Глава 4. Елена	42
Глава 5. Ник	48
Глава 6. Ник	53
Глава 7. Елена	68
Глава 8. Елена	74
Глава 9. Ник	84
Гл	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Влада Ночь

Порочные связи

Дисклеймер

Внимание!!!Прежде чем начать чтение, ознакомьтесь с важной информацией.

Строго для читателей старше 18 лет!

Данное литературное произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события, диалоги и совпадения с реальными людьми — случайны и не имеют отношения к действительности.

Также данная книга относится к категории «**Dark Romance**»и содержит триггерные темы:

- #* Преследование;
- # * Угроза жизни;
- # * Дабкон (сомнительное согласие);
- # * Принуждение;
- # * Вторжение в жилище;
- # * Откровенные сцены;
- # * Нездоровые отношения;
- # * Эмоциональная зависимость.

Если какая-то из этих тем вам неприятна, пожалуйста, НЕ читайте эту книгу.

Автор не ставит целью пропаганду насилия, токсичных отношений или опасного поведения.

Изображённые в книге отношения между главными героями являются сложными, противоречивыми и не могут служить примером для подражания в реальной жизни.

Это история о страсти, ошибках, выборе и их последствиях, разворачивающаяся в вымышленном мире с вымышленными правилами и законами.

Приятного чтения!

Глава 1. Елена

— Лена, ты скучная.

Я смотрела на Макса и не верила своим ушам. Два года отношений. Два года я вкладывала в него душу, прощала его выходки и ждала по ночам, а теперь он сидел напротив в этой дурацкой кофейне и спокойно говорил, что я скучная.

— В двадцать пять надо брать от жизни всё, — продолжал он, помешивая ложечкой свой латте. — А ты пропадаешь на своей унылой работе, денег нет, движухи нет. С тобой даже поговорить не о чем.

— А кто мне клялся, что ему больше ничего не надо, только я?

— Раньше я думал иначе. — парень пожал плечами. — Извини.

Потом Макс просто встал и ушёл, даже не оглянувшись. А через три дня я узнала, что Катя, моя лучшая подруга, с которой мы дружили с института, спит с ним уже полгода.

Она даже не попыталась извиниться, а просто сухо написала в мессенджере: «Лен, он сам меня захотел. Ты же понимаешь, так бывает».

Я не понимала и поэтому прорыдала неделю. Потом ещё одну и ещё несколько. А потом посмотрела на себя в зеркало и сказала: «Хватит».

Максу двадцать пять, мне двадцать пять. Он хочет брать

от жизни всё? Я тоже хочу!

В ту же ночь я, выискивая по интернету неординарный способ развлечься, случайно наткнулась на странное упоминание о закрытой вечеринке под будоражащим названием «Затмение». Вход только по приглашениям. Дорого, богато, развратно. Ни имён, ни лиц — только маски.

Я, конечно, подумала, что это какая-то шутка, но на всякий случай отправила на указанную почту заявку, предварительно заполнив небольшую анкету.

На удивление ответ пришёл уже через час: приглашение выслано, вход бесплатный для девушек в соответствующих нарядах.

Конечно, пригласительный достался мне слишком уж легко, ведь даже платить не пришлось. И раньше меня бы это насторожило и даже напугало, но раз уж я решила перестать быть скучной и рассудительной, то красную сигнальную кнопку здравого смысла пришлось отключить.

Я купила платье, на которое потратила половину зарплаты: чёрное, короткое, с открытой спиной. Нацепила туфли на шпильках, в которых поначалу едва могла стоять. И надела кружевное бельё, которое мало чего скрывало. В общем, упаковалась по высшему разряду для того, чтобы найти на свою пятую точку приключений.

Катя бы точно сказала: «Куда ты лезешь, это не для тебя», но этой лицемерки больше не было в моей жизни. Была только обида, а ещё огромное желание не просто отомстить,

а доказать в первую очередь себе самой то, что я не скучная и могу быть разной.

Такси уже ожидало на улице, поэтому я накинула поверх платья кашемировое пальто, поправила волосы, которые немного подкрутила плойкой и, подхватив сумочку, выпорхнула из квартиры.

Особняк, обустроенный под шикарную гостиницу, стоял в центре, но подъезд к нему осуществлялся с тыльной стороны. Чёрный вход, охрана, металлодетектор. Никто не спросил документы или моего имени, потребовали только приглашение, которое мне выслали на электронную почту.

Дальше я прошла в холл, чтобы раздеться, и последовала дальше, стараясь не поддаваться наползающей на разум панике.

— Маску наденьте перед входом в зал, — сказала девушка-хостес с вроде бы добродушной улыбкой на лице и протянула мне кусочек чёрного шёлка.

Маска закрывала верхнюю часть лица до переносицы. Глаза оставались открытыми. Я надела, поправила волосы. Внутри всё так же дрожало от страха, но теперь к этим ощущениям прибавилось странное предвкушение.

Я вошла в зал, и музыка тут же ударила по ушам. Тягучая, низкая, с вибрацией, уходящей куда-то глубоко в живот.

Красный свет, кожаные диваны и полумрак...

Чтобы хоть немного снять сковавшее мышцы напряжение, я схватила с подноса проходящего мимо официанта бо-

кал с шампанским и буквально залпом его осушила. Пузырьки ударили в нос, а во рту расплзлась приятная сладость.

Алкоголь я принципиально не пила. Никогда. Но сегодня был тот самый вечер, когда нарушались правила, поэтому я взяла еще один бокал, а потом еще один.

Вокруг отдыхали люди в масках — дорогих, странных, пугающих.

Отдыхающие гости вокруг выглядели так, будто потратили на свою внешность состояния. Их платья стоили больше, чем я зарабатывала за год. Их украшения — больше, чем стоила квартира моих родителей.

Обнажённая женщина в клетке танцевала у стены, её тело извивалось медленно и грязно.

Мужчина с хлыстом лениво похаживал рядом и похлопывал себя им по ладони.

Пара в углу — девушка стояла на коленях, а мужчина держал её за волосы, пока она...

Я застыла, потому что это уже было слишком. Слишком дорого, слишком богато, слишком развратно.

Мне здесь не место. Точно!

Я развернулась и пошла к выходу. Сердце колотилось где-то в горле, а шпильки предательски стучали по мраморному полу, заглушая, казалось, даже музыку.

— Уже уходишь?

Хриплый, низкий и обволакивающий голос раздался прямо над ухом так неожиданно, что я вскрикнула.

Чьи-то пальцы тут же сомкнулись на запястье и дернули, разворачивая меня на сто восемьдесят градусов.

Я почти повалилась в объятия незнакомца и вдохнула его запах: дорогой парфюм, древесный, терпкий, с ноткой дыма. И было в этом аромате ещё что-то дикое и опасное. То, от чего голова закружилась сразу, а в ногах появилась слабость.

— Я... — попыталась ответить, но не успела, потому что незнакомец впился в мой рот поцелуем.

Напористым, жадным, безжалостным.

Язык проник глубоко, властно, не спрашивая разрешения, и мои мысли рассыпались в пыль. Я вцепилась в его плечи, чтобы не упасть — колени подкосились мгновенно.

— Идём, — не спросил, а приказал, когда так же резко разорвал поцелуй.

Адреналин пульсом забился в висках, но я покорно пошла с мужчиной в маске, потому что после нашего с ним поцелуя внутри меня будто сломалось что-то важное — инстинкт самосохранения, например.

Комната, куда мы вошли, оказалась небольшой, шикарной: широкая кровать, кожаный диван, небольшой бар и панорамное окно во всю стену. За ним — ночной город с миллионами огней. И тишина вокруг, потому что музыка сюда не долетала.

Я оглянулась, чтобы посмотреть на того, кто стоял рядом. Высокий, подтянутый мужчина в чёрной рубашке, расстёгнутой на верхнюю пуговицу. Короткие чёрные волосы чуть

вздохмачены. На лице — маска с изображением волка: серебристый шёлк, тонкая работа. Глаза открыты — тёмные, почти чёрные, смотрящие властно и надменно.

— Платье снимай, — прозвучало как приказ, и я вздрогнула.

— Сейчас? — сипло уточнила, осознавая, что по своей дурусти влипла по полной, и уйти нетронутой мне уже вряд ли позволят.

— Сейчас, — усмехнулся незнакомец в ответ. — Ты пришла, значит, нужно выполнять приказы и соблюдать правила данного заведения.

Я уставилась на него ошарашенным взглядом, но, на удивление, вместо дикого ужаса и протеста, внутри появилось неожиданное желание подчиниться властной мужской энергетике, которая обволокла мое тело, словно кокон. Это было очень странное, необычное и совершенно новое для меня ощущение. И оно мне нравилось.

Конечно, всему виной, скорее всего, были те самые три бокала шампанского, выпитых внизу, но и того, что стоящий рядом со мной мужчина был непозволительно соблазнительен, я отрицать не могла. Хотя и видела его лицо лишь частично.

Я сглотнула ставшую вязкой слюну и медленно потянула молнию на спине. Спустя пару секунд платье упало к ногам, оставляя меня в том самом белье — чёрном кружеве, которое я однажды купила в магазине для взрослых, и которое в

прошлом стеснялась надевать даже для Макса.

Незнакомец в маске просто смотрел, не двигаясь, и под этим его взглядом моя кожа горела. Я чувствовала себя беззащитным зверьком, попавшим в ловушку, но мне это нравилось.

— Подойди, — прозвучало так же требовательно, и я повиновалась, ощутив кожей жар его тела и его дыхание.

Он протянул руку. Медленно, не торопясь, провёл пальцем по моей ключице, по груди, по животу, и я затаила дыхание, стараясь держать эмоции под контролем, но тело заметно било мелкой дрожью.

— Красивая, — сказал он тихо, но уверенно, и его пальцы скользнули под кружево, нащупали сосок, а затем сжали.

Я выдохнула сквозь зубы и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Упрямо не хотела верить в то, что подобное отношение так легко и быстро найдёт столь мощный отклик в моем организме.

— Не молчи. Я хочу слышать, — незнакомцу в маске мои попытки сдержаться явно пришлись не по душе.

— Я не...

— Давай! — не дал мне возразить и сжал сильнее, большим пальцем провёл по затвердевшему соску, и я застонала — произвольно, громко, чувствуя, как этот звук разносится по комнате.

— Хорошо, — одобрил, а затем резко развернул меня лицом к стене и вжался сзади всем телом.

Я чувствовала его твёрдость сквозь ткань одежды, ощущала, как он упирается мне в ягодицы, и осознавала то, что этому мужчине явно есть чем гордиться.

— Руки на стену, — прозвучало голосом, не терпящим возражений, и я упёрлась ладонями в холодную поверхность.

Он стянул с меня трусы одним резким движением, и нежное кружево жалобно треснуло, но ему было плевать.

Его пальцы скользнули между моих ног, раздвинули, провели по уже влажной коже.

— Мокрая, — усмехнулся он мне в ухо. — Давно не трахали?

— Давно, — честно призналась я на выдохе, уже едва стоя на ногах от ожидания чего-то опасного и фееричного.

Почему-то сомнений не возникло в том, что наглец в маске с волком по другому не умеет.

— Значит, сегодня получишь за все дни разом, — произнес в ответ, и без предупреждения вошёл в меня.

Резко. Глубоко. До упора. Я вскрикнула от неожиданности, от того, как туго он растягивает, и от боли, которая тут же смешалась с удовольствием.

Остатки сожаления и сомнений бесследно растворились в горячем потоке страсти, которая стремительно понеслась по организму.

— Тихо, — шепнул он мне на ухо, успокаивая, но его рука легла на горло — не душила, просто фиксировала. — Терпи. Или любишь, когда больно?

— Не знаю...

— Сейчас узнаем.

Он двигался медленно, но жёстко. Каждый толчок вбивал меня в стену, заставляя выгибаться и искать опору. Я царапала обои ногтями, пытаюсь устоять на ногах, хотя этого было и не нужно: мужчина держал крепко — одной рукой за горло, другой за бедро, направляя и не давая упасть.

Затем резкий рывок в сторону, и мое тело подобно послушной тряпичной кукле переместилось следом.

— Смотри в окно, — приказал, и я постаралась сфокусировать взгляд на том, что происходило на улице.

Миллионы огней внизу. Люди там живут своей жизнью, не зная, что здесь, наверху, со мной делает незнакомец в маске волка.

— Видишь город? — спросил он, ускоряясь. — Представь, что все эти огни смотрят на тебя. Что ты сейчас — центр их вселенной. И это потому что я так хочу.

Я застонала громче. Подобные слова заводили сильнее, чем его член во мне. Грязная, первобытная похоть, ранее мне не присущая, разливалась по венам, вынуждая жаждать большего.

— Нравится, когда так говорят? — уточнил, безошибочно уловив мой настрой.

— Да...

— Громче!

— Да! — вскрикнула уже слегка осипшим от стонов го-

лосом, и мужчина ускорился, входя глубоко, почти выходя и снова вбиваясь внутрь.

— Сука, какая же ты сладкая, — произнес, вдальбываясь в меня уже с какой-то пугающей звериной яростью.

Я не царапала стекло — я вцепилась в него, чувствуя, как пальца сводит от напряжения и боли. Его рука на горле чуть сжалась, и от этого стало ещё острее, ещё безумнее.

— Кончишь со мной вместе. Сейчас, — прозвучал очередной приказ, от которого вместо жара по коже поскакали ледяные мурашки.

— Я не могу... — хотела было возразить, но мне снова не дали договорить.

— Можешь! — это прозвучало уже даже не как приказ, а как непреложный закон, против которого не смели возразить ни тело, ни разум.

Он двинулся резче, глубже, и мир перед глазами неожиданно взорвался яркими вспышками. Я кончила с диким криком, выгибаясь и чувствуя, как тело импульсивно сжимается вокруг его члена. Незнакомец достиг пика следом, с рыком, вжимаясь так глубоко, что казалось — ещё немного, и я сломаюсь.

Мы замерли. И в тишине комнаты было слышно лишь наше тяжёлое дыхание и бешеный стук моего сердца, которое готово было проломить грудную клетку и вывалиться на пол.

Как только мужчина вышел из моего тела, я сползла по стеклу и села на пол, чувствуя, как по ноге течёт его сперма.

Это было... Непередаваемо... Остро. Безумно.

— Неплохо для начала, — сказал он и, подхватив меня на руки, отнёс на кровать. Я провалилась в простыни, обессиленная и всё еще не верящая в то, что так вообще бывает.

Незнакомец, все так же находясь в рубашке и брюках, лён рядом, одной рукой подперев голову, а ладонью второй — нежно, едва касаясь кожи, заскользил по моему животу, груди и бедрам. Эта ласка на контрасте с тем, что было между нами ранее, сводила с ума и разжигала в организме новую порцию томительного желания.

Но нервное напряжение и безудержный секс с ярким крышесносным окончанием настолько меня утомили, что я едва держала, ставшие свинцовыми, веки открытыми.

— Отдыхай, — сказал он вдруг тихо, но так же властно. — Мы продолжим позже.

— Когда? — спросила я хрипло, не в силах больше произнести ни звука.

— Когда я решу, — последовал короткий ответ, которому я не придавала значения, потому что уже закрыла глаза и начала проваливаться в сон, ощущая тепло мужской руки, всё ещё лежащей на моем теле.

А утром я проснулась уже одна.

В комнате всё еще пахло сексом и им — его парфюмом, и тем самым диким запахом, от которого до сих пор кружилась голова.

На простынях — следы ночи, большую часть которой я

отчего-то не помнила. На подушке — та самая черная маска. На моём теле — следы его рук, губ и даже зубов. Синяки на бёдрах, царапины на спине, припухшие губы и тянущее ощущение между ног.

На столике возле кровати лежал конверт с деньгами и записка: «*Умница. Мне понравилось*».

А мне то как понравилось, хоть большую часть произошедшего я и не помнила. И деньги эти брать я не собиралась. Не потому, что не заслужила, а потому что не считала себя настолько падшей и корыстной.

Я шла сюда не ради заработка, а за ощущениями, которые без всякого сомнения получила, и которых хватит до конца моих дней.

Так рисковать своей жизнью и здоровьем я точно больше не собиралась, потому что не было никаких гарантий того, что в следующий раз удастся так легко отделаться.

Хотя насколько легко, я ещё до конца не осознала.

Алкоголь выветрился из головы вместе с остатками стремления к подвигам. Осталось лишь желание поскорее уйти и забыть обо всём, что здесь произошло, потому что было безумно стыдно и неловко. А еще страшно, потому что всем известно к каким последствиям могут привести вот такие вот случайные связи.

Стараясь прогнать дурные мысли, я встала и, закутавшись в простынь, поплелась в ванную комнату, чтобы сходить в туалет и умыться перед тем, как ехать домой.

Я ожидала увидеть в зеркале растрепанное чучело с перепачканным тушью и помадой лицом, но мой помятый вид резко ушёл на второй план, оттесненный туда странным рисунком на шее: тонким, серебристым, похожим на татуировку.

Изображение было не четким, но в нем всё же различались очертания волчьей морды. Или мне это только казалось...

Я провела по странной метке пальцем — и кожу обожгло, а в груди отозвалось что-то тянущее, горячее и чужое.

— Этого еще мне только не хватало... — раздосадовано пробормотала, поняв, что рисунок водой уже не смыть.

Желание поскорее убраться подальше от этого странного места усилилось настолько, что об татуировке и обо всем остальном я решила подумать уже дома — там, где не было властных мужиков, тягучей интимной музыки и странного сладкого томления.

Я максимально быстро оделась и выбежала из комнаты. Пронеслась по пустому коридору, затем сбежала вниз по лестнице и, воровато озираясь по сторонам, пересекла уже совсем опустевший зал, в котором не осталось и следа от того, что здесь творилось ночью.

Что ж, персонал гостиницы и клининговая служба заслуживали искреннюю похвалу за свою оперативность.

Девушка-хостес, не та, что встречала вчера гостей, кисло улыбнулась, забирая из моих рук маску, и пожелала мне хо-

рошего вечера.

Вечера... Вечера!

Я продрыхла почти весь день черт пойми где и, пожалуй, следовало бы поблагодарить судьбу за то, что я отделалась только странным тату, а не лишилась почки, к примеру. Хорошо, что хоть воскресенье, и в довесок ко всему не придется выслушивать упреки начальника.

Натянув пальто, я выскочила из здания гостиницы, надеясь забыть столь опасное приключение, но внутренний голос подсказывал, что это только начало чего-то нового и очень опасного.

Глава 2. Елена

Я, честно, думала, что смогу забыть.

Первые три дня после той ночи я убеждала себя, что это был просто секс: дикий, грязный, безумный, но просто секс.

Такое бывает: люди сходят с ума от одиночества, трахаются с незнакомцами в масках, а потом просыпаются с дурацкой татуировкой на шее и живут дальше.

Стандартная же ситуация, правда?

Я пыталась жить дальше. Ходила на работу, пила кофе в автомате и листала отчёты.

Делала вид, что всё нормально, замотав шею платком, а сама терзалась догадками о странной метке, которая не смывалась, и кожа под которой ощутимо горела и зудела.

Не хватало еще какую-то заразу подцепить!

К своему здоровью я относилась серьёзно, поэтому на третий день, взяв отгул, направилась в поликлинику, готовая сдать любые анализы и костеря себя за опрометчивость.

Врач с нечитаемым лицом выслушал меня, а потом выписал направление. К психотерапевту. Я было возмутилась, но потом постаралась свести всё в шутку, извинившись и объяснив своё странное поведение желанием оказаться на больничном.

Направление к мозгоправу я выкидывать не стала. Сумасшедшей я себя, конечно, не считала, но причины задумать-

ся явно имелись, ведь, как выяснилось, странную метку на шее вижу только я...

Странное дельце. Непонятное. Но что именно с этим делать, я пока не знала, но периодически ловила себя на мысли, что вспоминаю события того вечера, прокручиваю в голове детали и прихожу в ужас от того, какой порочной была.

А утром четвёртого дня я снова проснулась с мыслью о нём.

Не от звонка будильника. Не от солнечного света, пробивающегося сквозь шторы. А от фантомного ощущения его рук на моём горле. От его шёпота: «Смотри в окно». От того, как он вошёл в меня — резко, без предупреждения, безжалостно.

Я лежала в постели, глядя в потолок, и чувствовала, как остро тело отзывается на эти воспоминания.

Между ног запульсировало — горячо, влажно и требовательно. Соски затвердели под тонкой тканью футболки, и трусы намокли в одно мгновение.

— Да что ж такое, — прошептала в подушку, зарываясь лицом в мягкий хлопок.

Я никогда не была такой озабоченной, считая секс скорее чем-то обязательным и механическим, нежели чем-то необходимым и возвышенным.

Попыталась подумать о чём-то другом: о работе, деньгах. О том, что надо бы купить продукты, но всё это было бесполезно.

Каждая мысль упрямо сворачивала в одну сторону — к нему.

Я представила, как его пальцы сжимают мои бёдра. Как он кусает плечо — до синяка, до крови, до стога. Как его голос шепчет пошлости прямо в ухо, от которых щёки горят даже сейчас, спустя четыре дня.

Пальцы сами скользнули под резинку пижамных штанов. Я хотела остановиться, правда, хотела, но тело жило своей жизнью. Подушечки нащупали клитор — чувствительный, набухший, готовый.

Я закусила губу и сделала круговое движение. Медленно. Потом быстрее. Глаза закрылись сами собой, и перед внутренним взором возник он — нависающий надо мной, с этой чёртовой маской, скрывающей половину лица, с тёмными глазами, в которых горел голод и мерцали оранжевые блики.

Я кончила быстро, прижимая ладонь ко рту, чтобы не закричать. Судорога прошла по всему телу, выгибая спину и сжимая все внутренности. А потом внутри всё обволокла пустота. И стыд от того, что этот проклятый жар в теле никуда не делся, несмотря на разрядку.

Он всё равно был там. Внутри меня. Под кожей. В каждой чёртовой клетке.

Я села в кровати и обхватила голову руками, ощущая себя никчемной рыбой, пойманной на крючок.

Всё это было странно. И метка эта...

— Что ты со мной сделал? — прошептала в пустоту, и

ответа, естественно, не последовало.

На работе как на зло тоже начался самый настоящий ад.

В понедельник я опоздала на двадцать минут — проспала, потому что полночи ворочалась и не могла уснуть.

Во вторник из-за своей теперешней рассеянности перепутала отчёты и получила нагоняй от начальника.

Наталья из соседнего отдела смотрела на меня с подозрением и шепталась с другими коллегами за моей спиной.

Впрочем, тут как раз проявлялась стабильность, ведь в нашей конторе меня из-за возраста никто особо всерьёз не воспринимал.

Я даже слышала, что вначале поговаривали о том, что свою должность мне удалось получить через постель, что меня лишь забавляло.

— Лена, ты вообще здесь? — окликнула меня Наталья, когда я в пятый раз перечитывала один и тот же абзац в документе, не понимая ни слова.

— Что? — Я подняла голову, и в глазах рябило от монитора.

— Я тебе третий раз звоню по внутренней связи. У тебя наушники сломались?

— Извини. Задумалась.

— Задумалась она. — Наталья поджала тонкие губы. — У нас сроки горят, между прочим. Если ты не сдашь отчёт до пятницы, начальник с меня шкуру спустит, а я с тебя.

Я закивала, подобно болванчику, извинилась и пообещала

исправиться. Сама же в это время представляла пальцы того незнакомца: длинные, сильные, властные. Как они сжимали мои запястья, прижимая к стене. Как гладили внутреннюю сторону бедра. Как...

— Лена! — Наталья щёлкнула пальцами перед моим лицом. — Ты меня слышишь?

— Да. Всё сделаю. К пятнице.

Женщина ушла, недовольно вздыхая и бормоча что-то про «нынешнюю молодёжь», а я схватилась за голову, чувствуя, как пульсирует в висках.

Это было невыносимо: этот постоянный гул в голове и чувство, что я схожу с ума.

Что он со мной сделал?

Загипнотизировал?

Я залезла в интернет и набрала в поиске: «Навязчивые мысли после случайной связи». Вылезла куча статей про окситоцин, дофамин, химию тела. Про то, что мозг может заиклиться на человеке, если секс был особенно ярким.

Ярким — не то слово, но я понимала, что дело было не только в химии. Дело было в нём самом.

В том, как он смотрел. Как говорил и как двигался. Как будто знал меня лучше, чем я сама. А я подчинялась, словно безвольная марионетка в его руках, хотя раньше не наблюдала за собой таких наклонностей.

Макс однажды предлагал разнообразить нашу интимную жизнь какими-то развратными играми, но я наотрез отказа-

лась, сочтя это бесполезной глупостью.

Наверное, тогда я была еще к подобному не готова. Ну или просто рядом находился не тот мужчина...

В четверг вечером я возвращалась домой поздно.

Метро, автобус, тёмный спальный район — обычный маршрут, который я знала наизусть, но в этот раз что-то явно было не так.

Сначала я не поняла в чем дело. Просто шла, слушала музыку в наушниках и смотрела себе под ноги. А потом вдруг осознала: кто-то наблюдает за мной, и волосы на затылке встали дыбом.

Этот холодок между лопаток и чувство, когда кто-то пристально смотрит, перепутать невозможно.

Я тут же остановилась и резко обернулась. Пусто. Только фонари мигают, и ветер гоняет по асфальту пожухлые листья.

Пошла дальше, но уже быстрее. Снова это ощущение: взгляд, прикованный к спине. Тогда я сжала ключи в кармане и ускорила шаг чуть ли не до бега.

Добравшись до своего подъезда всё же решилась и развернулась рывком. Снова никого: пустая улица, редкие машины и тёмные окна.

— Показалось, — выдохнула, но в груди уже поселился липкий, неприятный и настойчивый холодок.

Дома я заперла дверь на все замки, проверила окна и задернула шторы. Села на кухне, обхватив кружку с остывшим

чаем ладонями, и просидела так до полуночи, прислушиваясь к каждому шороху.

А ночью мне снова снился он.

Тот же сон, что и каждую ночь после «Затмения». Его тело, прижимающее меня к стеклу. Его шёпот над ухом. Его рык, когда он кончал, вжимаясь глубоко, до предела.

Я проснулась в четыре утра. Вся мокрая, дрожащая, с бесшено колотящимся сердцем. Простыня сбилась подо мной в кучу, футболка задралась до груди, а волосы прилипли к лицу.

— Господи, — прошептала, глядя в потолок.

Пuls между ног был таким явственным и настойчивым, что я застонала от отчаяния. Не хотела снова трогать себя, потому что не хотела давать этому странному наваждению власть надо мной.

Но тело не слушалось.

Пальцы скользнули вниз сами, нащупали клитор — распухший, чувствительный до боли. Я провела по нему, и искра удовольствия пронзила позвоночник. Ещё раз. Ещё.

В голове всплыли картинки из недавнего прошлого: его член, входящий в меня; губы, кусающие мою шею; слова — грязные, пошлые, заставляющие по сей день краснеть даже в темноте собственной спальни.

Я кончила быстро, вцепившись в подушку и кусая её, чтобы не закричать. Волна накрыла с головой, выгибая дугой тело и, казалось бы, выжимая его до последней капли.

А потом снова тишина. Снова пустота внутри. И этот чёртов жар, который никуда не делся.

Я лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как по щеке ползёт слеза отчаяния.

— Что ты со мной сделал? — прошептала вопрос, который повторяла уже на протяжении нескольких дней.

Ответом ожидаемо стала тишина. И только метка на шее отозвалась лёгкой пульсацией, напоминая о себе и разгоняя по венам новый приступ возбуждения.

Мне оставалось только стиснуть зубы от досады и тащить-ся в ванную комнату чуть свет, чтобы там принять прохладных душ.

Потом выпив кофе и собравшись, я вызвала такси до работы, потому что побоялась ехать в метро.

Практически бессонная ночь и испорченное настроение пагубно повлияли на мою тревожность, поэтому всё утро не отпускало чувство, что за мной следят. Я оглядывалась на каждом шагу, выходя из подъезда, садясь в машину и заходя в офис.

В лифте было непривычно душно и тесно, и я прислонилась к стенке, закрыв глаза.

— Доброе утро, — раздалось рядом, и я вздрогнула так, что сумка выпала из рук.

Рядом со мной стоял мужчина — коллега с третьего этажа, имени которого я не помнила или не знала вовсе, смотрел на меня с явным удивлением.

— Извините, не хотел напугать.

— Всё нормально, — пробормотала в ответ, поднимая сумку. — Просто задумалась.

В офисе было относительно тихо. Никто не горел желанием активничать без привычной порции кофе и пролистывания новостной ленты в телефоне.

Я поздоровалась, включила компьютер, потянулась к кружке, чтобы заварить бодрящий напиток, и замерла.

На мониторе, приклеенный к самому центру экрана, висел чёрный стикер, на котором был изображён серебристого цвета рисунок: волчья морда.

Такая же, как на моей шее.

Кровь отхлынула от лица, а руки затряслись. Я судорожно огляделась. Вокруг никого чужого не наблюдалось. Только мониторы, стулья, перегородки и увлечённые своими делами коллеги.

— Кто это положил? — спросила я громко, и мой голос заметно дрогнул при этом.

— Что положил? — Наталья выглянула из-за перегородки, жуя бутерброд.

— Это, — я указала на стикер, пока не решаясь его коснуться, будто боясь что волк с рисунка оживет и откусит мне руку.

— Понятия не имею. — Наталья прищурилась, явно не понимая, что именно меня так напугало. — Может, реклама? Вон, в соседнем отделе тоже какие-то листовки раздают.

— Это не реклама, — нервно возразила и снова посмотрела по сторонам.

— Лена, ты какая-то странная сегодня, — коллега оглядела меня с ног до головы. — Бледная, дёрганая. Всё нормально?

— Да. Нормально, — ответила, беря разбушевавшиеся эмоции под контроль.

Я села, скомкала стикер и выбросила его в урну. Руки всё ещё тряслись так, что я промахнулась, и бумажка упала на пол. Пришлось лезть за ней под стол, чувствуя на себе взгляды озадаченных моим поведением коллег.

Он меня нашёл. Или не он, а кто-то другой, не менее странный и опасный...

Господи, во что же ты вляпалась, Лена?!

Вечером, уже накрутив себя по-полной, я шла домой уже по другому маршруту. Нарочно выбрала людные улицы — свернула с обычного пути, добавила лишних двадцать минут. Мне было плевать на время, лишь бы не идти одной в темноте.

Горели витрины магазинов, спешили прохожие, гудели машины, и я почти успокоилась.

На полпути зазвонил телефон, словно кто-то почувствовал то, что степень напряжения в моих мышцах стала меньше.

Я достала мобильник из сумки и взглянула на экран. На нем высвечивался входящий от закрытого номера. Сердце

замерло в груди, снова предчувствуя опасность.

— Алло? — произнесла, изо всех сил стараясь сделать так, чтобы голос звучал ровно.

В ответ тишина, нарушаемая только дыханием: густым, тяжёлым, знакомым до мурашек.

— Кто это? — всё же уточнила, надеясь, что это просто кто-то из коллег решил так подшутить.

— Соскучилась? — в трубке раздался низкий, хриплый голос, тот самый, от которого внутри всё оборвалось и полетело в бездну.

У меня подкосились ноги, и я прислонилась к стене какого-то магазина, пытаюсь удержать равновесие. Прохожие текли мимо, не замечая.

— Ты... откуда у тебя мой номер?

— Не важно.

— Для меня важно! — хотела вскрикнуть, но голос мгновенно сел до сиплого хрипа.

— Значит, ты не умеешь правильно расставлять приоритеты, — в его голосе послышалась снисходительная усмешка. — Но это ненадолго. Скоро ты поймешь, что в этой жизни имеет значение, а что нет.

— Ты для этого звонишь? Чтобы упрекнуть меня в чем-то? — задала вопрос, до конца не будучи уверенная в том, что хочу услышать правдивый ответ.

— Я звоню, потому что хочу слышать твой голос.

— А вот я твой слышать не хочу!

— Врёшь.

— Не вру.

— Тогда почему дрожишь? Я чувствую это.

Я прикусила губу до крови, потому что он был прав. Я дрожала. И от одного его голоса между ног запульсировало так, что трусы намокли в одно мгновение.

— Не звони мне больше, — окончательно разнервничавшись и разозлившись на себя, рывкнула в трубку и нажала отбой.

Телефон зазвонил снова. Я сбросила. Ещё раз. И ещё.

Вот настырный!

На пятый раз я выключила звук, сунула телефон в сумку и побежала сквозь толпу, не разбирая дороги, врезаясь в плечи прохожих и не извиняясь перед ними.

Домой я влетела запыхавшаяся и мокрая от пота. Заперла дверь на все замки. Прислонилась к ней спиной и сползла на пол.

Сердце колотилось где-то в горле. В ушах шумело. Между ног горело.

Телефон в сумке вибрировал без остановки. Я слышала этот звук даже сквозь кожу, даже сквозь стук собственной крови.

Спустя пару часов, собираясь спать, я всё же достала мобильник. Экран светился сообщениями:

«Ты дрожишь. Я знаю».

«Я чувствую тебя. Каждую секунду».

«Твоё тело кричит. Я слышу».

«Ты никуда не денешься от этого».

Я выключила телефон и засунула его под подушку. Сама забралась на кровать с ногами и обхватила колени руками.

В комнате было темно. Только уличные фонари пробивались сквозь щели в шторах, рисуя полосы на стене.

Я сидела и думала о нём. Снова!

Кто он?

Человек?

Псих?

Почему он не отпускает?

Почему я не могу выбросить его из головы?

Я провела пальцем по рисунку на шее, и кожа обожгла, а в груди отозвалось тянущее, горячее и чужеродное чувство, как будто он был где-то рядом. Как будто чувствовал меня так же, как я чувствовала его.

Я зарылась лицом в подушку и закричала. Без звука. Без слов. Просто чтобы выпустить этот ужас, который поселился внутри.

А потом лежала и смотрела в темноту до самого рассвета.

Незнакомец не звонил больше той ночью, но я знала — это не конец. Это только начало.

Глава 3. Елена

Я задержалась на работе допоздна.

Начальник накидал отчётов под вечер, как всегда. «Срочно, Леночка, завтра утром нужно сдать». Я сидела в пустом офисе, щёлкала клавиши, пила остывший кофе и пыталась не думать о странном незнакомце.

Не получалось.

Цифры расплывались перед глазами. Я перечитывала одну строчку в пятый раз и не понимала, что там написано, потому что перед глазами постоянно стоял он. Такой властный, сильный, в этой маске...

Его руки. Его голос. Его запах. Та ночь в гостинице, от которой у меня до сих пор горела кожа и подгибались колени при одном воспоминании.

Я чувствовала его прикосновения на своём теле даже сейчас, сидя за этим дурацким столом с дурацкими отчётами в дурацкой жизни, которая после встречи с ним перестала быть прежней.

Я тряхнула головой, заставляя себя сосредоточиться. Глупости всё это. Наваждение. Просто перепихон на одну ночь, каких у него, наверное, сотни. Он просто играет со мной, а я тут раскисаю, как девочка-подросток.

Но тело не слушалось. Оно помнило и хотело этих ощущений снова, несмотря на все доводы разума.

В какой-то момент я насторожилась. Волоски на руках встали дыбом, а воздух в помещении будто стал другим — тяжелее, плотнее. Как перед грозой, когда небо темнеет, и всё замирает в ожидании удара.

Это уже походило на паранойю, но я затаила дыхание и прислушалась.

Тишина. Только гул кондиционера и треск ламп на потолке.

Но было что-то ещё. Что-то, что я улавливала не слухом, а скорее кожей.

Я медленно обвела взглядом офис. Пустые столы, погашенные мониторы, длинные тени по углам. Никого. Только игра света от уличных фонарей за огромными окнами, рисующая причудливые узоры на стенах.

Не сходи с ума, Лена, тебе просто показалось!

Я выдохнула, отпила ещё кофе — холодный, горький, противный, но немного отвлекающий.

Глупости. Просто нервы ни к черту. Надо меньше думать о нём, и тогда эти галлюцинации прекратятся.

Но внутри всё же разрасталась липкая, холодная тревога, от которой хотелось бежать. Прямо сейчас. Не оборачиваясь и бросив всё.

Я решительно закрыла ноутбук и закинула сумку на плечо. К чёрту отчёты. К чёрту начальника. К чёрту всё. Мне надо домой. Прямо сейчас.

Коридор встретил меня полумраком — лампы дневного

света мигали через одну, создавая жутковатый стробоскопический эффект.

Мои шаги гулко отдавались в тишине, эхом разлетаясь по пустым этажам. Я шла быстро, почти бежала, стараясь не оглядываться. Сердце колотилось где-то в горле, а в ушах шумело.

Лифт находился в конце коридора. Я нажала кнопку, в нетерпении переступая с ноги на ногу. Шпильки цокали по кафелю, выдавая мой страх с каждым звуком.

— Давай же, — прошептала я, глядя на горящую кнопку вызова. — Давай быстрее.

И тогда я почувствовала это снова.

Сзади. Дыхание. Тёплое, на шее. Чьё-то присутствие — такое явное и реальное, что отрицать это было уже невозможно.

Нужно было обернуться и проверить, но тело сковал такой страх, что оно уже меня не слушалось. Сердце пропустило удар, потом ещё один. Воздух застрял в лёгких. В висках застучала кровь.

Двери лифта открылись, мягко разъезжаясь в стороны. Я сделала шаг вперёд, но вместо того чтобы войти, почувствовала сильный толчок в спину — и влетела внутрь.

Двери захлопнулись. Металлический лязг прозвучал как приговор. Лифт дёрнулся и замер между этажами. Свет погас.

Темнота. Абсолютная, густая, непроницаемая. Я не виде-

ла даже собственных рук, хотя поднесла их к лицу. Сердце колотилось где-то в горле, готовое вырваться наружу. В ушах шумела кровь.

А потом я снова уловила чужое дыхание. Рядом. Слишком рядом. И тот самый запах: древесный, терпкий, дикий, от которого голова идёт кругом и подкашиваются колени. Который преследовал меня во сне все эти дни. Который вьелся в мою кожу после той ночи и не отпускал.

— Соскучилась? — раздалось над ухом.

Хрипло. Низко. С этой его вечной усмешкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

Я замерла. Боялась пошевелиться, боялась даже дышать. Он был здесь. В темноте. Рядом. Его дыхание касалось моей шеи, его тепло обволакивало со спины. Я чувствовала его присутствие каждой клеткой своего тела.

— Кто ты? — выдохнула, и голос прозвучал чужим, испуганным, дрожащим. — Что тебе нужно?

— То же, что и тебе, — ответил он настолько уверенно, что мне стало страшно и одновременно до дрожи хорошо.

Я почувствовала его руки на своих бёдрах. Пальцы уверенно скользнули вниз по ткани юбки, задрали подол, пробрались выше по голой коже. От этих прикосновений по телу побежали мурашки, а между ног всё сжалось в тугую узел желания.

— Отпусти, — прошептала, пытаясь вырваться, но это было бесполезно.

Я была прижата к стеклянной стене лифта вплотную и чувствовала каждый сантиметр его тела — твёрдого, горячего, напряжённого. Чувствовала, как он упирается мне в ягодицы, какой он твёрдый и большой. Чувствовала, как дрожит его тело от сдерживаемого желания.

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое!

— Врёшь, — выдохнул мне прямо в ухо, и от его голоса внутри всё сжалось. — Ты хочешь, чтобы я тебя снова трахнул. Признай.

Его пальцы скользнули под бельё. Я закусила губу, пытаюсь сдержать стон и сохранить хотя бы каплю достоинства. Но когда они утонули в моей влаге, когда он почувствовал, как сильно я хочу его, — не выдержала, и громкий, отчаянный стон вырвался из груди.

— Чёрт, — произнесла уже с явной досадой, принимая своё поражение.

— Я прав, — усмехнулся незнакомец, двигая пальцами во мне медленно, дразняще, сводя с ума. — Опять мокрая. От моего голоса. От того, что я рядом.

Я молчала. Стыд и желание смешались в одно целое. Я ненавидела себя за эту реакцию, за то, что хотела ещё.

— Я прав? — надавил на особо чувствительную точку внутри, требуя немедленно ответа.

— Да! — выкрикнула, не в силах оказать хоть какое-то сопротивление. — Да, чёрт бы тебя побрал! Прав!

— Умница, — одобрил он и убрал руку. — Но впредь по-

старайся при мне не выражаться.

На секунду я почувствовала пустоту, и это было невыносимо. А потом мужчина резко развернул меня спиной к стене, задрал юбку до самого пупка, и усадил к себе на бедра.

Я вскрикнула. В темноте не видела его лица, только чувствовала — его руки, его тело, его запах. Чувствовала, как его член упирается в промокшую насквозь ткань трусов, ища вход.

Одной рукой мужчина придерживал меня за поясницу, а второй умело отодвинул полоску белья в сторону, чтобы спустя мгновение одним резким толчком насадить меня на себя. Глубоко. До самого упора.

Я закричала, вцепившись пальцами в его плечи — твёрдые, как камень, а потом прокусила губу до крови, пытаюсь сдержаться, но тело уже не слушалось. Волна удовольствия прокатилась по позвоночнику, заставив выгнуться, прижаться к нему сильнее.

— Тише, — шепнул он мне в губы. — Нас могут услышать.

— Здесь никого нет, — выдохнула, потому что мне, честно, было уже абсолютно наплевать на то, где именно я находилась. Главное — он был рядом. Был во мне.

— А если есть? Если кто-то застрял на другом этаже и ждёт лифт? Представь: двери откроются, а там мы.

Он явно издевался надо мной, но его слова завели ещё сильнее. Мысль о том, что нас могут застать, поймать, уви-

деть — это было безумно, грязно, неправильно. И от этого хотелось ещё больше.

Незнакомец двигался во мне жёстко, ритмично, безжалостно. Лифт покачивался в такт его движениям, тросы скрипели, где-то наверху гудел механизм.

Темнота скрывала наши лица, но не скрывала звуки — мои стоны, его хриплое дыхание, шлепки тел.

— Нравится? — спросил он, входя особенно глубоко.

— Да...

— Что да? Говори.

— Нравится, — выдохнула я. — Очень.

— Какая же ты сладкая. И честная.

Он наклонился и впился в мои губы поцелуем. Жадным, глубоким, требовательным. А я таяла в его руках, теряла себя и растворялась в этом безумии.

Я потеряла счёт времени. Мир вокруг перестал существовать. Остались только его руки на моих бёдрах, его член во мне, его дыхание на моей шее, его губы на моих губах.

— Кончи для меня, — приказал он хрипло. — Сейчас. Со мной.

И я подчинилась. Бурно, громко, теряя связь с реальностью. Тело содрогалось в его руках, пульсировало вокруг него, восхваляя его имя, которого я не знала. Волны удовольствия накатывали одна за другой, не давая опомниться, не давая вздохнуть.

Мужчина кончил следом с глухим рыком, вжимая меня в

себя так сильно, что казалось — мы никогда уже не расцепимся. Его тело содрогалось в конвульсиях, горячая сперма заливала меня изнутри.

А потом мы замерли. Тяжёлое дыхание, стук сердца, тишина.

Он аккуратно опустил меня на пол. Ноги не держали — я прислонилась к стене, пытаюсь отдышаться. По внутренней стороне бедра потекла тёплая струйка.

— Закрой глаза, — неожиданно приказал холодным, уже лишенным всяких эмоций голосом.

— Что? — растерянно уточнила, всё ещё плохо соображая после случившегося.

— Просто закрой и стой. Минуту.

Я слышала, как он поправляет одежду. Слышала его дыхание — всё ещё тяжёлое, всё ещё хриплое. Слышала, как открываются двери лифта.

— Это не конец, — бросил напоследок.

— Да, — выдохнула я, но он уже вряд ли это слышал.

Его шаги быстро отдалялись, а затем наступила тишина.

Я ждала минуту. Две. Пять. Потом открыла глаза.

Двери лифта были открыты. За ними — пустой коридор. Никого.

Я вышла на ватных ногах. Огляделась. Слева — пожарная лестница с тяжёлой дверью, которая ещё покачивалась, медленно закрываясь.

Он ушёл туда.

Я подошла к двери, толкнула. Пустой лестничный пролёт. Эхо моих шагов. Где-то внизу хлопнула ещё одна дверь.

Я смотрела в тёмный провал лестницы и чувствовала, как бешено колотится сердце. Он ушёл. Снова. Как тогда, в гостинице, будто его и не было.

Я вернулась в лифт, нажала кнопку первого этажа. Прислонилась лбом к холодному зеркалу и посмотрела на себя.

Лохматая, с неестественным блеском в глазах, с припухшими от поцелуев губами. Блузка распахнута на груди, подол задрался, бельё почти порвано — я чувствовала, как кружево больно впивается в кожу. На шее — свежие засосы. На губах — кровь от укуса.

Но главное — глаза. В них было что-то новое. Что-то дикое, голодное и бесстыдное.

Я улыбнулась своему отражению.

— Дура, — сказала вслух. — Ты абсолютная дура, Лена. Лифт мягко остановился, и двери открылись.

Пустой холл. Раздевалка. Сонный охранник за стойкой, который даже не взглянул на меня, когда я прошла мимо. Ночь за стеклянными дверями.

Я вышла на улицу, вдохнула холодный воздух, пытаюсь прийти в себя, но лёгкие обожгло прохладой, а в голове прояснилось только одно: это не конец, и я хочу ещё. И от этого осознания уже реально стало страшно...

Глава 4. Елена

Два дня я жила как в тумане.

Ходила на работу, делала вид, что слушаю коллег, заполняла отчёты на автомате, но внутри всё кипело.

Метка на шее пульсировала, напоминая о нём каждую секунду.

Вечером второго дня я сидела на кухне, сжимая в руках кружку с остывшим чаем, и смотрела в одну точку.

Что со мной происходит? До чего я докатилась? Может, я потихоньку теряю рассудок?

Перебирала в голове все события последних недель: вечеринка, он, метка, лифт, снова он...

Это ненормально.

Я взрослая женщина, у меня есть работа, голова на плечах. Я не должна тосковать по мужику, который даже лица своего не показывает, который врывается в мою жизнь когда вздумается, который...

Который заставляет моё тело гореть одним лишь взглядом.

Я зажмурилась и трянула головой, отгоняя мысли. Хватит. Это надо заканчивать.

Но как?

Я не знала его имени. Не знала, где он живёт. Не знала, как с ним связаться. Он всегда появлялся сам — в лифте, в

темноте, в моих снах. А я... я была как марионетка, которую дёргают за ниточки.

Я должна была взять себя в руки, поэтому решила: больше никаких глупостей. Буду ходить на работу, возвращаться домой, запирать двери. Если он позвонит — не отвечу. Если придёт — вызову полицию.

И я почти поверила, что смогу...

А утром третьего дня я пришла на работу и нашла на своём столе чёрный конверт. Плотная дорогая бумага. Тиснённый логотип — волчья морда.

Я замерла, и конечности похолодели.

— Лена, тебе принесли утром, — крикнула секретарша из-за своего стола. — Какой-то курьер, сказал, что лично в руки.

Я не ответила. Просто смотрела на конверт, чувствуя, как метка на шее начинает гореть.

Внутри лежало приглашение. «Затмение». Та злосчастная вечеринка, на которой всё началось.

Никакой подписи или объяснений. Только сегодняшняя дата и короткая фраза внизу, отпечатанная золотом: «Я жду».

Я скомкала приглашение и выбросила в мусорку. Пуст ждёт, мне то что?

— Лена, ты чего? — удивилась секретарша. — Такая красивая бумага...

— Неважно.

Я села за стол, включила компьютер и сделала вид, что работаю. Но руки дрожали, а чертова метка жгла шею так, что хотелось содрать кожу.

Он не отстанет.

Я знала это. Чувствовала.

Но я туда не пойду. Не сегодня. Никогда.

Весь день я просидела как на иголках.

Косилась на мусорку, где лежало скомканное приглашение. Потом встала, вытащила его, расправила. Снова посмотрела на золотые буквы. «Я жду».

Кого он ждёт?

Меня?

Или очередную дуру, которая поведётся на эту гребаную извращенную романтику?

Внутри вспыхнула отчаянная ярость, и я, поддавшись порыву, порвала приглашение на мелкие кусочки, а потом выбросила их.

Вечером я впервые за долгое время ушла с работы пораньше. Сказала начальнику, что плохо себя чувствую, и не соврала, потому что меня реально трясло.

Дома я заперла все замки. Проверила окна. Задернула шторы. Выключила телефон и вытащила симку.

Пусть попробует найти меня теперь!

С чувством выполненного долга легла в кровать, уставилась в потолок и прислушивалась к тишине. Метка пульсировала, но уже терпимо, и я заставила себя дышать ровно.

Я сильная. Я справлюсь. Это просто наваждение, которое совсем скоро пройдёт. А если не пройдёт, то моего незнакомца ждут разборки с полицией, а меня — душевные разговоры с психотерапевтом.

Я уже почти задремала, когда неожиданно зазвонил домашний телефон.

Я подскочила на кровати как ошпаренная, глядя на аппарат в коридоре. Он не звонил никогда. У меня даже не было этого номера нигде, кроме договора с провайдером.

Звонок разрывал тишину и вынуждал каждое нервное окончание на моем теле пульсировать.

Трубку я не брала. Сидела, вцепившись в одеяло, и смотрела, как аппарат надрывается.

Потом тишина.

А спустя минуту — снова звонок. И снова.

Я зажала уши руками, но звон пробивался сквозь пальцы. Метка на шее горела огнём и пульсировала в такт звонкам.

Где-то послышалось недовольное ворчание соседей, которые спустя еще какое-то время начали тарабанить в стену.

И я сдалась. Подскочила на ноги и подлетела к телефону.
— Чего тебе надо?! — закричала я, прислонив трубку к уху.

Сначала ответом была лишь тишина, а потом, спустя пару минут, я услышала его спокойный, низкий голос:

— Ты не пришла.

— Я не приду. Никогда. Оставь меня в покое!

— Оставить в покое? — Он уже привычно усмехнулся. — Лена, ты вся горишь без меня. Я чувствую.

— Нет!

— Ты хочешь меня. Каждую секунду.

— И ненавижу тебя за это... — прошептала едва слышно и сползла спиной по стене, усаживаясь на пол.

— Нет. Не ненавидишь. Просто боишься. Того, что не справишься. Что сдашься. И главное — того, что тебе понравится.

Я молчала, потому что этот чертов самоуверенный улюблдок был прав.

— Ты очень огорчила меня сегодня, — тем временем продолжил он. — Я ждал. Приготовил для тебя кое-что особенное, а ты не пришла.

— Иди к чёрту, — ответила уже без всяких эмоций, не желая больше принимать участия в этой игре, но зачем-то продолжая разговор.

— Придётся наказать тебя за непослушание.

У меня похолодела спина.

— Что ты сделаешь? — просипела, и перед глазами замелькали картинки, которые я недавно просматривала в интернете, выискивая статьи про одержимых сталкеров и маньяков.

— Узнаешь. Скоро, — ответил он и отключился.

Я смотрела на трубку в своей руке, и меня трясло. В груди бешено колотилось сердце, а метка снова горела так, что

хотелось выть.

Я вскочила и заметалась по квартире. Проверила замки — заперто. Окна закрыты. Шторы задёрнуты.

Ничего не помогало успокоиться. Я находилась одна в своей квартире, но ощущала себя в клетке под его пристальным надзором. И это сводило меня с ума.

Я снова села на пол, забившись в угол и прислонившись спиной к стене, и обхватила колени руками.

— Пожалуйста, — прошептала в пустоту. — Оставь меня в покое.

Тишина. Только моё дыхание и стук сердца. И самое страшное было в том, что я не могла отрицать правды, которую он озвучил: я действительно боялась не того, что он сделает, а того, что мне это понравится.

Я закрыла глаза и заплакала.

Глава 5. Ник

— Ну и долго ты будешь пугать девчонку? Это странно, не находишь? — голос Алекса ворвался в кабинет вместе с запахом кофе и лёгкой насмешкой.

Я даже не обернулся. Продолжил смотреть в экран ноутбука, где камера в прихожей её квартиры показывала пустой коридор. Лена была в ванной — я знал это по звуку воды, который улавливал даже через динамики.

— Ник...

— Ты меня жизни решил поучить? — огрызнулся я, хлопывая крышку ноута. — Может, сперва разберёшься со своей?

Алекс усмехнулся, вальяжно разваливаясь в кресле напротив. Рыжий, ленивый, вечно с этой своей дурацкой ухмылкой. Мы дружили много лет, ещё до того как он стал бетой, а я жоаком, но иногда хотелось врезать ему просто за то, как он смотрит.

— А что в ней разбираться? У меня всё на мази. Никаких проблем. Никаких внезапных одержимостей.

— Я не одержим. Просто заинтригован.

— И чем же?

Я молчал. Смотрел на закрытый ноутбук и думал о ней. О том, как она стояла в лифте, прижатая к стене, и дрожала. Не от страха, а от желания. О том, как пахла и как сжималась

вокруг меня.

— Тем, что связь должна была уже давно развеяться, — сказал я наконец. — А вместо этого...

Я закатал рукав рубашки, открывая запястье. Тонкий серебристый рисунок проглядывал сквозь татуировки и пульсировал в такт сердцу. Метка не бледнела и не исчезала, а горела.

Алекс присвистнул, подавшись вперёд.

— Ого...

— Не ого, а косяк, — рявкнул я, отдёргивая руку.

— Жалоб на работу артефакта нет. — Алекс нахмурился, посерьёзnel. — Может...

— Не может! — перебил я. — И ты прекрасно об этом знаешь. Истинность — это сказки, выдуманные теми, кто отказывается следовать правилам. Тем более если дело касается людей или полукровок.

— Я проверю, — пожал плечами Алекс. — Но уверен, что всё работает исправно.

Я кивнул, давая разрешение. Алекс поднялся, но у двери остановился.

— Ник.

— Что ещё?

— Если это не артефакт... Если это правда... Ты понимаешь, что тогда?

— Ничего не тогда. Иди.

Он ушёл, а я откинулся в кресле, закрыл глаза и снова

увидел её.

Тёмные волосы, разметавшиеся по подушке в той гостиной, которую я иногда арендовал для закрытых вечеринок.

Серые глаза, которые смотрели на меня без страха даже в первую ночь. А потом в лифте... там был страх. И желание. Такая гремучая смесь, от которой у меня самого крышу сносило.

Я думал, что связь как обычно развеется через пару часов. Так работал артефакт — случайная магическая сцепка на одну ночь для усиления ощущений, не более. Никаких последствий. Никаких обязательств.

Но прошло уже столько времени, а метка не исчезала. Наоборот становилась ярче, горячее. Я чувствовал её каждую секунду. Её пульс, дыхание и возбуждение.

Особенно когда она думала обо мне, а она думала постоянно. Я чувствовал это по тому, как метка начинала жечь запястье, как кровь прилиwała к паху, как вставал член без всякой причины. Она хотела меня и бесилась от этого. И это мне нравилось.

Я усмехнулся, открывая ноутбук. Камера в спальне показывала, как она вышла из ванной, завёрнутая в полотенце. Мокрая, покрасневшаяся, с этим её упрямым выражением лица.

Красивая. Очень.

Я смотрел, как она расчёсывает волосы, как наносит крем на лицо, как ложится в кровать и смотрит в потолок. Она

думала. Обо мне.

Метка запульсировала сильнее, и я сжал запястье, пытаюсь унять этот зуд, который вызывал не только возбуждение, но и ярость.

Несмотря на ее терзания, Лена посмела отказаться от моего приглашения. Проигнорировала его. Порвала и выбросила в мусорку — я видел это через камеру в офисе.

Никто не смел мне отказывать.

Никто.

Я встал и подошёл к окну. Город внизу вдали горел огнями. Где-то там, в спальном районе, в своей крошечной квартирке, лежала она. Думала обо мне, боялась и хотела.

Я провёл пальцем по метке. Она отозвалась жаром. Я чувствовал её — там, за километрами. Чувствовал её страх, злость и возбуждение.

И моё собственное тело отвечало.

— Дурочка, — сказал я вслух. — Ты даже не представляешь, во что ввязалась.

Я снова сел за ноутбук. Пролистал досье, которое собрал на неё за эти дни. Лена, двадцать пять лет, работает в скучной конторе, снимает квартиру, друзей почти нет, бывший парень слился, подруга предала.

Обычная девчонка, ничем не примечательная.

Кроме одного.

Она зацепила меня. Так, как не цеплял никто и никогда.

Я думал, что это просто страсть. Обычная похоть, кото-

рую можно утолить за одну ночь, но после близости в лифте понял: нет. Это другое, и это бесило.

Я не планировал связывать себя с кем-то. Тем более с человеком. Тем более с той, которая посмела мне отказать.

Но метка горела, и я чувствовал, что она тоже горит.

— Ладно, — сказал я, закрывая ноутбук. — Хочешь играть? Поиграем.

План созрел в голове быстро. Я знал, как наказать её за непослушание. И её слёзы меня не остановят, потому что я чувствовал — она хочет продолжения. Она сгорит от желания, даже если будет рыдать и молить о пощаде.

Я достал телефон из кармана и набрал нужный номер.

— Алекс, я уезжаю. Скажи нашим, чтобы были наготове.

— Куда собрался?

— Хочу проучить одну непослушную девчонку, — ответил, на что Алекс понимающе усмехнулся в трубку.

— Доиграешься ты, Ник.

— Посмотрим.

Я отключился и снова посмотрел на экран. Она спала, свернувшись калачиком, и метка на её шее светилась в темноте.

Я чувствовал, как она видит сны. Обо мне.

— Скоро увидимся, — пообещал и хищно усмехнулся своему отражению в тёмном стекле.

Глава 6. Ник

Я сидел в машине напротив её подъезда уже третий час.

Двигатель выключен, свет погашен. Семь утра, серое небо, редкие прохожие, которые кутались в воротники от ветра. Я смотрел на окно на пятом этаже и ждал.

В голове прокручивал снова и снова ту ночь в лифте. Её дыхание. Её руки, вцепившиеся в мои плечи. Её запах, от которого до сих пор сносило крышу.

Я усмехнулся, сжимая руль пальцами.

Сколько женщин было за эти годы?

Десятки? Сотни?

Я сбился со счёта где-то после первого полтинника. Красивые, доступные, опытные. Они давали всё, что я хотел, и уходили, когда я терял интерес.

Но эта... эта была другой.

Не потому что особенная, а просто потому, что посмела отказаться. Посмела проигнорировать и сделать вид, что ей плевать.

Я хотел сломать её. Жаждал увидеть, как эта гордость рассыплется в пыль. Хотел, чтобы она ползала и умоляла. Как все, кто был до неё.

И я знал, что это случится. Всегда случается.

— Ник, ты ещё там? — голос Алекса раздался из динамика телефона.

— Здесь.

— Ты охренел? У тебя дела, встречи, стая...

— Подождут.

— Ник, это уже не смешно.

— Я сказал — подождут, — рывкнул и сбросил вызов.

Пусть все катятся к черту. Сейчас меня интересовала только она.

Лена вышла в восемь.

Я увидел её сразу — тёмные волосы стянуты в хвост, длинное пальто, сумка через плечо. Она шла быстро, глядя себе под ноги. Напряжённая, как струна.

Я вышел из машины. Прислонился к капоту поясницей и скрестил руки на груди. Капюшон толстовки скрывал лицо, но маска была на месте — та самая, с волком. Пусть гадают. Пусть боится.

Почувствовав опасность, она резко подняла голову и замерла. Глаза расширились.

Я видел, как страх борется в ней с тем, что заставляло её сжиматься вокруг меня в лифте.

— Что ты здесь делаешь? — спросила, когда решительно приблизилась, и голос ее дрогнул.

— Жду тебя, — честно ответил, на что девчонка лишь вздернула подбородок кверху.

— Я не просила.

— Мне плевать.

Она смотрела на меня пристально, явно пытаясь разгля-

деть лицо под капюшоном и маской, но видеть она могла лишь то, что я ей позволил.

— Ты псих, — спустя минуту молчания, выдала она. — Ты следишь за мной, подбрасываешь приглашения, звонишь по ночам. Отвали от меня уже!

— Не отвалою, — ответил коротко и тоже честно.

— Что за метка на моей шее?

— Понятия не имею.

— Что тебе надо?

— Чтобы ты поняла.

— Что поняла?

— Что ты моя.

Она усмехнулась. Зло так, нервно.

— Я ничья. И тем более не твоя. Я даже не знаю, как тебя зовут.

— И не узнаешь.

— Почему это?

— Не заслужила.

Она замерла, и в глазах мелькнула сначала обида, а потом снова злость.

— Пошёл ты, — выплюнула и попыталась обойти меня, но я схватил её за руку и дёрнул к себе.

Она вскрикнула и упёрлась ладонями мне в грудь.

— Отпусти сейчас же!

— Нет.

— Я буду кричать.

— Кричи. Люди здесь привыкли, что по утрам кричат. Подумают, семейная ссора.

Лена смотрела на меня. В её глазах плескался страх, смешанный с чем-то ещё. С тем самым, от чего у меня вставал член.

— Чего ты добиваешься? — спросила она уже тихо, наконец, осознав свое очередное поражение.

— Хочу, чтобы ты перестала бегать.

— Я не бегаю. Просто хочу, чтобы ты исчез.

— Врёшь. — Я наклонился ближе, почти касаясь губами её уха. — Я чувствую, как ты дрожишь, потому что хочешь меня.

Она молчала, поджав губы. Дышала часто и сбивчиво.

— Сядь в машину, — сказал я, понимая, что мозги у меня уже начинают плавиться от желания, а мне не хотелось бы испортить то, что я задумал.

— Нет, — отрицательно мотнула головой.

— Я не спрашиваю, — усмехнулся, открыл дверцу и подтолкнул ее внутрь авто.

Она села, потому что понимала: иного выбора я ей не предоставил.

Я обошёл машину и сел за руль, а затем повернулся к ней.

— Пристегнись.

— Куда мы едем?

— Туда, где я решу, что с тобой делать дальше.

— Ты не имеешь права...

— Имею, — отрезал, нисколько не сомневаясь в своих словах и уж тем более правах.

Я завёл мотор и выехал со двора. Больше возразить мне что-либо Лена не посмела. Просто поджала губы и отвернулась к окну. Я не стал ее тревожить, давая время на то, чтобы собраться с мыслями и смириться.

— Выходи, — произнёс, когда припарковался во дворе своего особняка.

— Это твой дом? — удивленно приподняла бровь, наивно пытаясь оттянуть неизбежное.

— Да.

— Огромный.

— Я не бедствую.

— Я заметила.

— Выходи, — повторил уже с большим нажимом, и девушка, рвано вздохнув, подчинилась.

Оказавшись на улице, Лена постаралась изобразить безразличие, но это у нее не особо вышло. Я с наслаждением смотрел на её растерянность, на любопытство, на то, как она пыталась скрыть, что ей страшно и в то же время интересно.

— Идём, — сказал, взяв ее за руку, и повел в свой дом.

Конечно, правильнее было бы обойтись и номером в отеле, но почему-то я отогнал этот вариант почти сразу, как только решил снова встретиться с Леной. Я хотел ее взять на своей территории, там, где абсолютно всё находилось под контролем.

Гостиная была огромной — высоченные потолки, мягкие диваны, картины на стенах.

Внутри было тепло. Камин горел, потрескивая и красиво мерцая в приглушенном свете люстры.

Лена воровато осматривалась и явно чувствовала себя неловко в подобной обстановке.

— Это всё твоё? — наконец спросила она, переведя свой взгляд на меня.

— Моё.

— И много у тебя таких домов? — нервно усмехнулась, будто не веря моим словам, а мне было плевать, потому что я не собирался ей что-либо доказывать.

Всё, что ее должно волновать и интересовать, — это мой член, и то, что я им буду делать.

— Достаточно, — всё же ответил, стягивая через голову толстовку и отшвыривая ее в сторону.

Она проследила за траекторией полёта вещи, а затем снова посмотрела на меня, скользнув голодным взглядом по обтянутым футболкой мышцам.

— Значит, ты богатенький избалованный мальчик. Не удивлена.

— Не мальчик, — оскалился в ответ и сделал шаг в ее сторону, но она отступила, чем вызвала тихий недовольный рокот в горле.

Честно, я на данный момент был не настроен на вот эти игры в кошки-мышки или укрощение строптивой недотро-

ги. В паху от желания уже появилась больная тяжесть, поэтому времени осталось в обрез.

— Спальня на втором этаже. Сама дойдешь или отнести?
— протянул девушке руку, готовый в любой момент взвалить ее брыкающееся в протесте тело себе на плечо.

Но на удивление Лена спорить не стала. Вложила свои слегка подрагивающие от волнения пальцы в мою ладонь и без лишних вопросов последовала за мной вверх по лестнице.

Умная девочка.

— Раздевайся, — сказал я, когда мы оказались в моей спальне.

— Что? — уставилась на меня, выпучив свои серые глаза так, будто реально ожидала услышать от меня что-то другое.

— Ты слышала.

— Я не для этого...

— Для этого, — я шагнул ближе, оказавшись к ней максимально близко. — Ты приехала сюда, потому что хотела, поэтому не надо врать хотя бы себе.

— Я ненавижу тебя, знаешь?

— Мне плевать.

Я взял её за подбородок, заставляя смотреть мне в глаза сквозь прорези маски. Пальцы ощущали тепло её кожи, и внутри всё уже сжималось и кипело от желания.

— Ты будешь наказана за непослушание, — произнес вкрадчивым голосом, с наслаждением впитывая в себя каж-

дую вспыхнувшую в сознании девчонки эмоцию. — За то, что посмела отказаться. И за то, что заставила меня ждать.

— Ты ненормальный, — просипела, облизав пересохшие от волнения губы, и нервными движениями пальцев начала расстёгивать пуговицы на своей верхней одежде.

— Возможно, но это ничего не меняет, — усмехнулся, стягивая с ее плеч пальто и отбрасывая его в сторону.

В спальне горел только камин. Огромная кровать, тяжёлые портьеры, мягкий ковёр. Идеальное место для нашего третьего свидания.

— Смотри на меня, — приказал, когда она хотела смущенно отвести взгляд в сторону.

И она подчинилась. Смотрела, а в глазах — страх, злость и что-то, от чего у меня перехватывало дыхание.

Я медленно стянул с неё водолазку и бросил вещь на пол. Провёл пальцем по её плечу. Кожа была тёплой, бархатистой. Лена вздрогнула и закусил губу, снова пытаюсь скрыть свои эмоции.

И мне нравилось, как она реагирует на каждое прикосновение. Нравилось чувствовать эту дрожь и борьбу между страхом и желанием.

Я расстегнул лифчик, стянул с ее плеч. Грудь открылась — красивая, с тёмными сосками, которые уже затвердели. Я провёл пальцем по одному, сжал. Она выдохнула сквозь зубы.

— Не сдерживайся, — сказал я. — Хочу слышать твои

стоны.

— Ненавижу тебя, — произнесла на выдохе, но уже без прежней дерзости.

— Я помню.

Наклонился и взял сосок в рот. Она застонала — глухо, сдавленно, всё ещё пытаясь сдержаться. Я посасывал, покусывал, ласкал языком, наслаждаясь каждым звуком, который вырывался из её горла.

Её запах сводил с ума — терпкий, женский, пьянящий. У меня от желания плавилась мозги, а в паху болело от того, что джинсы сдавливали стоящий колом член.

— Ложись, — приказал, стараясь не растерять остатки самообладания.

Лена легла на спину, глядя на меня снизу вверх. Я нарочито медленно стянул с девушки юбку, в очередной раз отметив длину и красоту ног в чёрных ажурных чулках. Затем избавил ее от трусов и раздвинул бёдра.

Лена была уже влажной — я чувствовал запах ее возбуждения, видел блеск на нежной коже, и от этого зрелища у меня пересохло во рту.

Я провёл пальцем по её складкам, нашёл клитор, надавил. Она выгнулась и застонала громче. Её тело отвечало на каждое движение, подавалось навстречу. Снова подчинялось мне.

Я вошёл в неё пальцем — сначала одним, потом вторым. Внутри было жарко, тесно и влажно. Она двигалась в такт,

ловила ритм, стонала всё громче. Я чувствовал, как её внутренние мышцы сжимаются, и как она приближается к краю. И остановился.

— Нет... — выдохнула она.

— Да, — ответил, едва сдержав торжествующую улыбку.

Я убрал руку. Лена смотрела на меня с отчаянием. Её тело дрожало от неудовлетворённого желания.

— Что ты делаешь?

— Наказываю.

Я развернул её на живот, приподнял бёдра. Встал сзади, провёл рукой по её спине, по ягодицам. Она дрожала, ждала.

Я расстегнул молнию на джинсах, достал член и вошёл резко, глубоко, до упора. Она закричала — от неожиданности, от удовольствия, от всего сразу.

Внутри неё было так хорошо и правильно, что у меня потемнело в глазах. Я замер на секунду, пытаюсь справиться с собой, с желанием просто взять и кончить сразу.

— Тихо, — выдохнул, не понимая, к кому в данный момент обращаюсь.

Я задвигался медленно, плавно, смакуя каждый момент. Чувствовал, как её тело сжимается вокруг меня, как она дрожит, как ловит каждый толчок. Её стоны сводили с ума. Запах её возбуждения заполнял комнату, кружил голову.

— Пожалуйста, — прошептала она едва слышно.

— Что пожалуйста?

— Быстрее, — произнесла чуть ли не плача.

— Нет.

Я замедлился ещё больше. Вышел почти полностью, снова вошёл — мучительно медленно. Она царапала простыни, стонала, всхлипывала. Её тело умоляло о разрядке, но я не давал, истязая этой пыткой и себя тоже.

— Ну же... пожалуйста... я прошу...

— Проси лучше.

— Пожалуйста, дай мне кончить! — выкрикнула она осипшим голосом.

Я замер. Совсем. Остановился внутри неё и не двигался. Её мышцы пульсировали вокруг меня, пытаюсь выжать разрядку, но я был неподвижен.

— Нет, — остался непреклонен, хоть у самого уже стучало в висках.

— Что?

— Не сегодня.

Я вышел из неё, и она рухнула на кровать, тяжело дыша, с мокрым раскрасневшимся лицом. Её тело сотрясала дрожь.

— Ты псих, — прошептала она, охваченная отчаянной яростью.

— Встань на колени, — приказал, давая понять, что наказание ещё не окончено.

Она смотрела непонимающе, с легким протестом и в то же время мольбой.

— Я сказал — встань на колени.

Она подчинилась. Опустилась на ковёр перед кроватью,

глядя на меня снизу вверх. Растрёпанная, мокрая, с покрасневшими глазами. Красивая. Безумно красивая в своей униженной покорности и злости.

Я встал рядом, возвышаясь над ней как и подобает хозяину.

— Возьми его в рот, — отдал очередной приказ, готовый кончить уже только от того, как ее дыхание опалило нежную кожу на моей плоти.

Лена колебалась всего секунду, а затем подчинилась. Я сжал пальцами её волосы на затылке, направляя и задавая необходимый темп. Когда её губы сомкнулись вокруг моего члена, я зарычал от удовольствия. Это было невероятно — её язык, её старание, её желание угодить.

Видел, как ей хочется кончить, как её тело требует разрядки, но я не давал, держал на грани, наслаждаясь каждым мгновением, звуком и движением.

— Бери глубже, — рыкнул, чувствуя, как внутри начало нарастать напряжение, сладкое, невыносимое.

Лена старалась. Не только, чтобы ублажить меня. Я видел, что этот процесс нравился ей самой, и это заводило сильнее всего.

Сделав еще несколько глубоких резких толчков, я с довольным рыком кончил ей в рот, сжимая волосы и не давая отстраниться.

Волны удовольствия прокатывались по телу, вышибая дыхание. Она глотала мою сперму, давилась, пытаясь отстра-

ниться, но я держал крепко и отпустил только тогда, когда всё закончилось.

Лена упала на ковёр, кашляя и тяжело дыша. Между ног у неё было влажно, тело горело, но разрядки не было. Я оставил её на пике — дрожащую, голодную, и мне это нравилось. Нравилось чувствовать её отчаяние, её желание, её зависимость от меня.

Потом я поправил свою одежду и завалился на кровать.

— Ты можешь идти, — произнёс, стараясь не обращать внимания на то, как неприятно засвербело в груди.

Она подняла голову. В глазах отобразилось неверие.

— Что?

— Свободна. Мой водитель отвезёт тебя куда скажешь.

Несколько минут она смотрела на меня, просто хлопая ресницами и пытаясь понять, шучу ли я.

Нет, не шучу малыша.

— Ты... выгоняешь меня?

— Отпускаю. Пока что.

— Но я... — девушка резко замолчала, потому что гордость не позволяла сказать о том, что она не кончила. Что тело требовало продолжения, и что она сама хотела ещё.

Я мог лишь усмехнуться над этим глупым и совершенно неуместным поведением.

— Одевайся. Водитель уже ждёт.

Лена подскочила на ноги, как ошпаренная, и глаза при этом горели не просто обидой, а чистой яростью.

— Ты конченный псих! — закричала она, натягивая белё, водолазку, юбку, пальто. — Ты больной ублюдок!

— Я просил при мне не выражаться. Или тебе нравится быть наказанной? — произнес в ответ, глядя на то, как она путается в рукавах, как дрожат её руки.

Каждое её движение отзывалось во мне удовольствием. А еще желанием впервые наплевать на свои принципы, снова подмять девчонку пол себя и дать ей то, чего так неистово жаждало ее тело.

— Ненавижу! — выкрикнула она уже на выходе. — Чтоб ты сдох!

Дверь хлопнула.

Я остался в тишине спальни, где пахло сексом, её запахом и неудовлетворённым желанием. Её крики звенели в ушах, а её ярость ещё витала в воздухе.

Я широко улыбнулся. Довольно, хищно.

Лена ненавидела меня и хотела убить, но её тело помнило. Оно хотело продолжения, и поэтому Лена вернётся. Обязательно вернётся, потому что я не дал ей самого главного.

Я переместился с кровати в кресло у камина, закинул ногу на ногу, не переставая в голове прокручивать каждое мгновение нашей последней встречи. Стоны. Мольбы. Ярость. Всё это заводило сильнее, чем старания самой опытной любовницы.

Пресыщенный женским вниманием хищник довольно скалился в сознании, наслаждаясь приятным ощущением

ОХОТЫ.

— Алекс, — сказал я в телефон, набрав своего бету. — Проследи, чтобы девчонку довезли в целости и не смели трогать.

— Будет сделано. Ник, ты как?

— Лучше не бывает.

Я отключился и уставился на огонь.

Она вернётся. Обязательно. И тогда я продолжу эту игру, потому что с ней я чувствовал себя живым. По-настоящему живым.

Глава 7. Елена

Я влетела в офис, когда стрелка часов перевалила за двенадцать.

Опоздала на три с половиной часа, и понимала, что шеф точно будет в бешенстве. Но когда я ворвалась в приёмную, секретарша только махнула рукой:

— Лена, ты чего такая? Заболела?

— Нет... проспала.

— Шеф ещё на совещании, так что повезло.

Я выдохнула и рухнула на свой стул. Компьютер загружался мучительно долго. Я смотрела на монитор и не видела ни одной буквы, потому что перед глазами стояло другое.

Он. Его руки на моём теле. Его голос над ухом. То, как он доводил меня до иступления и отступал. Снова и снова. Пока я не начала умолять.

— Лена, ты чего? — окликнула меня коллега из соседнего отдела. — Ты как привидение. Бледная вся.

— Нормально, просто плохо спала.

— Бывший достаёт что ли или уже нынешний? — пролетел вопрос уже от другой коллеги, которая с любопытством выглянула из-за перегородки.

Если бы она только знала...

— Нет. Всё хорошо, — ответила, решив, что этим любопытным сорокам ничего не расскажу даже под пытками.

Я уткнулась в монитор и попыталась работать, но пальцы не слушались. В голове крутилось одно и то же: как он смотрел на меня, когда я стояла перед ним на коленях. Как он кончил мне в рот, сжимая волосы. И как после небрежно бросил: «Ты можешь идти», словно я просто дешевая подстилка, которую можно сначала использовать, довести до изнеможения, а потом вышвырнуть за порог дрожащую и готовую на всё.

Ненавижу. Ненавижу!

Но между ног до сих пор пульсировало, а тело помнило его прикосновения лучше, чем мозг унижение. И это было обидно до скрежета в зубах.

Спустя пару часов я поняла, что работать не смогу.

Цифры расплывались перед глазами. Я пересчитывала одну строчку в пятый раз и не понимала, что там написано. Коллеги что-то обсуждали, я не слышала. Весь мир сузился до одной точки — до воспоминаний о сегодняшнем утре, будь оно неладно!

Спустя еще полчаса, я не выдержала и сбежала от косых взглядов и навязчивых мыслей в туалет. Заперлась в одной из кабинок, села на крышку унитаза и закрыла лицо руками.

Что со мной происходит?

Я никогда не была такой. Никогда не позволяла мужчинам так с собой обращаться. Никогда не умоляла. Никогда не стояла на коленях.

А с ним — умоляла и готова была сделать всё, что он ска-

жет, лишь бы получить разрядку. Лишь бы он одобрил и был рядом...

Я застонала от отчаяния. Кожу под меткой запекло, а между ног снова запульсировало. Тело требовало завершения. Того, что этот долбанный псих в маске мне не дал!

Я провела рукой по внутренней стороне бедра — там, где остались синяки от его пальцев, и закусила губу, представляя, что это его руки.

— Совсем уже чокнулась, — прошептала, ощущая себя озабоченной нимфоманкой, которая не в состоянии думать о чем-то, кроме секса.

Подробное сравнение немного охладило жар в теле, и я встала, умылась холодной водой, а затем вернулась в офис, пообещав себе выбросить всё ненужное из головы.

А к вечеру поймала себя на том, что смотрю на телефон каждые пять минут.

Он не звонил и не писал, как будто и не было ничего. И это бесило.

Злость вперемешку с обидой душили. Я представляла, как позвоню ему и выскажу всё, что думаю. Как пошлю к чёрту. Как докажу, что не игрушка. Но я не знала его номера. Не знала имени. Не знала ничего.

В семь вечера, когда я уже собиралась домой, телефон завибрировал. На экране высветился закрытый номер, и мое сердце пропустило удар. Не хотела отвечать, но руки опередили мозг и поднесли трубку к уху.

— Думала обо мне?

И снова этот сводящий с ума голос: хриплый, низкий, с бесячей вечной усмешкой, от которой у меня внутри всё оборвалось и одновременно вспыхнуло.

— Что тебе ещё от меня надо? — спросила, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Хочу знать, как прошёл твой день.

— Ты вышвырнул меня сегодня утром, а теперь спрашиваешь, как прошёл день?

— Вышвырнул? — Он снова усмехнулся. — Я тебя отпустил. Есть разница.

— Для меня нет.

— Это твои проблемы, — последовал ответ, от которого я обречённо закатила глаза.

— Нет у меня никаких проблем, мне плевать! — выпалила, изо всех сил пытаюсь играть в эту дурацкую игру со своим собеседником на равных.

— Врёшь. Ты обиделась, и я чувствую, как ты злишься, но под злостью — другое. Ты хочешь меня. Снова.

Я молчала, потому что этот гад был прав.

— Приезжай сегодня, — предложил он вдруг. — Я могу прислать за тобой водителя или вызвать такси.

— Нет, — ответила, не раздумывая.

— Я не спрашиваю. Адрес ты знаешь, приезжай, — прозвучало повелевающим тоном, и он отключился.

Я смотрела на погасший экран и чувствовала, как дрожат

руки. Злость, страх, желание — всё смешалось в один липкий комок.

Не поеду. Ни за что. Не после того, что произошло между нами утром!

Я выключила телефон, засунула его в сумку и вышла из офиса.

Дома я прорыдала два часа.

Не знаю, от чего именно. Может, от унижения. Или от злости. А, возможно, от того, что тело горело и требовало разрядки, а я не могла себе этого позволить!

Лежала на кровати, смотрела в потолок и проклинала его. Себя. Тот день, когда решилась пойти на эту дурацкую вечеринку. И Макса, который никогда не был со мной таким.

В час ночи телефон завибрировал снова.

С неизвестного номера пришло сообщение:

«Я знаю, что ты не спишь. Знаю, что хочешь. Не мучай себя, Лена. Приезжай».

Я выключила телефон и вытащила симку. Заштормила окна, проверила, заперта ли дверь, и легла спать. Но так и не смогла уснуть.

А утром подобно роботу встала, оделась и поехала на работу, как будто ничего не случилось.

По дороге поймала себя на мысли, что смотрю на встречные машины — нет ли среди них «той самой».

Он уже был везде. В моей голове. В моём теле. В моей крови!

И я ненавидела себя за то, что мне это почему-то нравилось.

Глава 8. Елена

Ещё один день, который прошёл как в тумане.

Я сидела за своим столом, смотрела на монитор и делала вид, что работаю. Цифры послушно складывались в отчёты, пальцы сами стучали по клавишам, но мысли были далеко.

Телефон лежал рядом. Чёрный экран, тишина.

Я ловила себя на том, что каждые пять минут проверяю — не пропустила ли звонок или не пришло ли сообщение.

Нет. Ничего.

Он не звонил и не писал.

Как будто и не было ничего. Как будто я не стояла перед ним на коленях и не умоляла. Как будто не летела на работу на ватных ногах, чувствуя вкус его спермы на своих губах.

Мне хотелось ненавидеть его, и я пыталась. Перебирала в голове все унижения, все моменты, когда он смотрел на меня свысока, когда приказывал, когда вышвырнул. Но ненависть не приходила. Вместо неё было что-то липкое, тягучее, горячее, что скручивало низ живота при одном воспоминании о его голосе.

Еще эта дурацкая метка, которая выглядела как позорное клеймо, напоминающее мне о том дне, когда я переступила черту из своих моральных принципов и поддалась легкомыслию.

К обеду я перестала проверять телефон. Потом — пере-

стала надеяться. В семь вечера собрала вещи и поехала домой.

Дома было пусто, тихо и одиноко.

Я разогрела вчерашние макароны, пожевала без аппетита, выбросила половину. Потом набрала ванну, залезла в горячую воду и долго сидела, глядя в одну точку.

Перед глазами снова и снова был он. Его руки. Его голос. То, как он смотрел на меня, когда я стояла перед ним на коленях. Как кончил мне в рот. Как вышвырнул.

А потом в сознание вдруг всплыло другое воспоминание: обидное и почти забытое.

«Ты скучная, Лена».

Слова бывшего резанули по живому. Я за эти недели даже забыла, как его зовут. Макс? Или как-то так? Неважно. Важно, что эти слова въелись в память и долгое время отравляли мне жизнь каждый раз, когда я смотрела на себя в зеркало.

«Скучная». Серая мышь. Ничего особенного.

Я зажмурилась, пытаюсь отогнать эти мысли. Глупости. Это было давно. Тот, кто это сказал, не стоит и минуты моих мыслей.

Но слова застряли в голове и жгли.

«Ты скучная».

А он? Мужчина в маске? Он так не думал. Он смотрел на меня так, будто я была самым желанным блюдом на его столе. Он трахал меня так, что я теряла сознание. Доводил до исступления и отступал, наслаждаясь моими мольбами.

Нет, он явно не считал меня скучной, но он и не позвонил.

Я открыла глаза. Вода остыла, кожа покрылась мурашками. А я вдруг осознала одно: если он позвонит сейчас, если прийдёт приглашение, если просто появится в дверях — я не откажусь и не прогоню.

Я хочу его. Хочу этой безумной, унижительной, горячей связи. Хочу, чтобы он снова доводил меня до края. Хочу кончить в его руках. Хочу быть с ним, даже если он конченный псих и однажды прикончит меня в порыве страсти.

Чокнутая? Да, на всю голову!

А потом я разозлилась. На себя. На него. На эту дурацкую зависимость, которая возникла из ниоткуда.

Я ведь не игрушка, и не буду ждать у моря погоды. Я сама решаю, что делать и с кем быть.

Я вышла из ванной, закутавшись в халат, и подошла к шкафу.

Достала красивое бельё — красное кружево, которое купила когда-то для годовщины с Максом и так ни разу не надела. До этого момента.

Одевшись, посмотрела на себя в зеркало и осталась вполне довольна своим внешним видом. Я никогда не считала себя сногшибательной красоткой, но и дурнушкой явно не была. А незнакомец в маске, как бы странно это не звучало, значительно повышал мою самооценку.

— Ну давай, — прошептала я своему отражению. — Позвони. Я готова.

Но дурацкий телефон молчал.

Я ждала пять минут. Десять. Полчаса.

Ничего.

Злость закипала внутри с новой силой.

Да кто он вообще такой?

Почему я должна сидеть и ждать его милости?

Почему позволяю этому психованному мудаку управлять моими эмоциями?

Я накрасила губы ярко-красной помадой. Расчесала волосы, оставила их распущенными по плечам. Посмотрела на себя — то, что надо, чёрт возьми!

— Мне плевать на тебя, — сказала я вслух, будто бы он мог слышать. — Слышишь? Плевать.

Телефон упрямо молчал.

Я села на диван и уставилась на экран. Метка на шее всё так же пульсировала, но я уже привыкла к этим ощущениям, поэтому не обращала внимания.

Позвони.

Ну, пожалуйста.

Докажи, что я тебе не безразлична.

Что я не очередная игрушка, которую можно использовать, а потом выбросить.

Тишина. Чертова удушающая тишина!

Звонок в дверь раздался, спустя пару часов, когда я уже перестала ждать.

Я подскочила так, что сердце ухнуло в пятки.

Он пришёл!

Я подбежала к двери, на секунду замерев перед зеркалом, чтобы поправить волосы и выдохнуть.

Нацепила на лицо выражение безразличия и распахнула дверь, готовая увидеть его в этой дурацкой маске и с капюшоном на голове, но на пороге стоял Макс с букетом роз и с виноватой улыбочкой на лице. С видом побитого щенка, который приполз проситься обратно в тёплый дом.

— Мы можем поговорить? — спросил бывший, протягивая цветы.

Я смотрела на него, стараясь не разрыдаться, и не верила своим глазам.

Не он... Не тот, кого я ждала.

Разочарование захлестнуло с головой. На секунду захотелось захлопнуть дверь, но потом внутри что-то щёлкнуло.

А почему бы и нет?

Почему бы не использовать Макса? Он здесь. Он хочет.

А тот, в маске, пусть знает, что мне и без него хорошо. Пусть чувствует, что я не сижу и не жду. Что я нужна, и меня хотят!

— Входи, — сказала я коротко.

Макс просиял. Вошёл, вручил цветы, скинул куртку.

Я пошла на кухню, поставила розы в вазу, включила чайник. Спиной чувствовала его взгляд. Он оглядывал квартиру, меня, мой халат, под которым угадывалось кружево.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал бывший, по которому

я лила слезы несколько недель, и который сейчас вызывал во мне столько же эмоции, сколько стоящий в прихожей пуфик.

— Ага, — лишь пожала плечами в ответ.

— Лена, я хотел извиниться. Я тогда был дураком. Катя — пустышка, и она ничего для меня не значит, это была ошибка. Я понял, что ты — та, кто мне нужен. Нам же было так хорошо вместе, помнишь? Наш секс...

Я помнила. Раньше мне казалось, что это было круто. Макс умел владеть тем, чем щедро наградила его природа. Он был нежен, внимателен, старателен. Раньше этого хватало.

Но сейчас... Я сомневалась, что Макс сможет дать мне хоть что-то.

— Чай будешь? — сухо поинтересовалась, начав сомневаться в правильности своего решения.

— Лена...

— Чай будешь? — уточнила, и в моём голосе проскользнули до боли знакомые нотки, от чего по телу поскакали мурашки, а на лице появилась ухмылка.

Похоже мудачность заразительна.

— Буду, — ответил бывший, и я налила кипяток в кружки, заварила пакетики.

Повернулась, чтобы пригласить Макса за стол, и наткнулась на него.

Он стоял слишком близко, а спустя мгновение он схватил меня в охапку, прижал к себе и впился в губы поцелуем.

Я замерла.

В голове пронеслось: «Это неправильно. Не он. Но пусть. Пусть мудака в маске чувствует. Пусть знает, что мне хорошо и без него. Пусть сдохнет от ревности, если она у него вообще есть».

Я ответила на поцелуй дерзко и отчаянно, а затем толкнула Макса в сторону комнаты, к кровати. Он повалился на спину, утягивая меня за собой, а потом перевернулся, нависнув сверху.

Я целовала его, думая о другом. Представляла, что это не Макс надо мной, а тот самый мудака в маске.

Черт бы его побрал!

Макс стянул с меня халат и ахнул, увидев кружево.

— Лена... ты такая... я и забыл, какая ты...

— Заткнись, — прошептала в ответ, не желая слышать его голос.

Я хотела другого: доказать себе, что могу. Что не привязана к незнакомцу в маске. Что мне не нужен его голос, его руки и его безумные игры. Что я свободна и могу быть с кем захочу и когда захочу!

Макс целовал мою шею, грудь, живот, а я смотрела в потолок и чувствовала... ничего.

Совсем ничего.

Его руки гладили мои бёдра, пальцы скользнули под кружево. Я закрыла глаза, пытаюсь разогреть в себе ответ. Снова представляла, что меня касаются другие руки — властные,

требовательные, исчерченные завитками татуировок.

Не помогало.

Тело отзывалось вяло, нехотя, как будто ему было всё равно. Как будто после того, что сделал со мной незнакомец, обычный секс перестал существовать.

Макс был пресным. Слишком мягким и предсказуемым. Он не приказывал, не требовал, не заставлял умолять. Он просто... старался.

— Лена, — прошептал бывший, — ты чего? Не хочешь?

— Хочу.

— Непохоже. Раньше ты была другой. Раньше тебе нравилось.

Раньше. До него. До психа в маске...

Макс отстранился, стянул с себя одежду и попытался снова. Целовал, гладил, делал всё, что раньше работало безотказно, но я лежала подобно бревну, чувствуя, как внутри нарастает раздражение, а метка будто превращается в ледяной кинжал, воткнутый в шею.

— Лена, может, расслабишься? Я же вижу, тебе надо...

— Хватит, — сдалась, поняв, что все эти потуги бесполезны.

Оттолкнула Макса, встала и накинула халат поверх белья, которое Макс облизывал и облапал, но так и не успел снять.

— Одевайся и уходи.

— Что? — парень смотрел на меня растерянно. — Но мы только начали... Я думал, ты тоже хочешь. Ты же сама меня

впустила.

— Я ошиблась. Уходи.

— Лена, я же извинился, пришёл, я стараюсь...

— Ты стараешься, да, но мне это уже не нужно. Уходи.

— Да что с тобой? — он вскочил, натягивая джинсы, а глаза горели обидой и злостью. — Ты сама меняпустила! Сама целовала! А теперь...

— А теперь уходи, — холод в голосе напугал даже меня саму.

Макс не стал больше спорить, хлопнул дверью так, что стены задрожали, а я снова осталась одна.

Стояла посреди комнаты, сжимая на груди халат, и смотрела на скомканное покрывало. Потом подошла к зеркалу.

Красная помада размазалась по губам. Кружево красиво смотрелось на бледной коже. Волосы растрепались. Красивая. Желанная. Но ненужная ЕМУ.

— Ну что, — прошептала я своему отражению. — Доказала? Доказала, что тебе на него плевать?

Отражение молчало.

Я провела пальцем по губам, стирая остатки помады, и стянула бельё, бросив его на пол. Надела старую футболку, в которой обычно спала.

Легла на кровать, свернулась калачиком и зарыдала.

Не от обиды на Макса и не от злости на себя, а от безысходности. От того, что моё тело принадлежало теперь только ему — незнакомцу в маске. Тому, кто вышвырнул меня по-

сле того, как использовал. Тому, кто не звонил и не писал. Тому, кому было наплевать на мои терзания.

Я попыталась обмануть себя. Доказать, что свободна. А вместо этого доказала только одно: меня теперь тянет только к нему. К психу, который смотрит на меня как на игрушку. Который доводит до иступления и оставляет ни с чем.

Я рыдала в подушку, пока не кончились слёзы. Потом провалилась в тяжёлый, беспокойный сон.

И даже во сне меня преследовал его голос.

Черт бы его побрал...

Глава 9. Ник

Я смотрел на экран и улыбался.

Она сидела на кухне, пила наверняка уже остывший чай и смотрела в одну точку. Волосы растрёпаны, на лице следы подушки. Глаза опухли, потому что она снова плакала.

Я видел это. Чувствовал каждой клеткой, понимая, что так и должно быть, но уже не испытывая прежнего удовлетворения.

Она провела весь день в ожидании моего звонка. Я видел, как она проверяет телефон, как мечется по офису, как смотрит на экран с надеждой и злостью одновременно. Видел, как возвращается домой, как бесцельно бродит по квартире.

Я кайфовал от этого. Не от её страданий, а от её желания. От того, что она уже полностью находилась в моей власти, даже не понимая этого.

Она была моей, даже если ещё не знала об этом.

Я едва сдерживал себя, чтобы не послать за ней машину, или чтобы не помчаться к ней самому, не ворваться в эту дурацкую квартиру, не прижать к стене и не трахать, пока не забудет, как дышать.

Хотелось снять маску и показать лицо. Хотелось рассказать о себе всё, чтобы она знала, кому принадлежит и чтобы не боялась меня настоящего...

Но я не мог. Не сейчас.

Игра была слишком сладкой. Слишком правильной. Я хотел продлить её. Хотел насладиться каждым моментом, когда она ломается и собирает себя заново. Когда ненавидит меня и хочет одновременно.

Ещё немного. Ещё чуть-чуть.

Откинулся в кресле, потягивая виски, и смотрел, как она прихорашивается для меня, думая, что я не вижу.

Чистый кайф.

Я улыбнулся и сделал ещё глоток.

А потом раздался звонок в дверь.

Я не сразу понял, что происходит. Просто увидел, как она вскакивает, бежит к двери, а потом, даже не взглянув в глазок, распакивает ее. Сердце пропустило удар: может, ждала не меня?

Неужели наряжалась для этого смазливового утырка?

На пороге стоял ее бывший с букетом в руке и с идиотской виноватой улыбочкой. С видом побитого щенка, который приполз просить прощения.

Я напрягся, вцепившись в подлокотники кресла так, что дерево затрещало.

Лена впустила его, а я смотрел и не верил своим глазам.

Впустила...

После всего, что было между нами. После того, как я трогал её, целовал, трахал. После того, как она стояла передо мной на коленях...

— Ну, давай, — прошептал я экрану, впиваясь взглядом

в её движения. — Пошли его. Вышвырни!

Но она не вышвырнула.

Я смотрел, как Лена пошла на кухню, а он как послушный телок поплелся следом. Как она поставила этот дешёвый веник в вазу. Как он приблизился сзади слишком близко. Непозволительно близко.

— Только попробуй её тронуть, — рыкнул, представляя, как отрываю этому сученышу его конечности.

Неподалёку от Лениного дома всегда дежурили мои бойцы, поэтому я смотрел и ждал, когда же пацан даст мне повод сказать парням «фас».

И после того, как он стиснул мою девочку в своих объятиях и начал слюнявить её сладкие губы своим поганым ртом, я уже поднёс телефон к уху, ожидая теперь лишь одного: чтобы она оттолкнула его, ударила, попыталась прогнать, но Лена ответила на поцелуй.

Время остановилось.

Я смотрел, как они целуются. Как её руки обвивают его шею. Как она толкает его в сторону кровати. Как он падает, утягивая её за собой.

В голове зашумело так, что я перестал слышать собственные мысли. Кровь прилила к лицу, застучала в висках бешеным молотом. В глазах потемнело.

Как она посмела после всего, что между нами было? После того, как я выбрал её? После того, как она стояла передо мной на коленях и умоляла?

Я не помнил, как ноутбук отлетел в стену. Помнил только хруст пластика, звон разбитого экрана и свою руку, раздражающую подлокотник кресла в клочья. Когти проявились сами — я даже не контролировал это.

— СУКА! — заорал я, вскакивая.

Я крушил всё вокруг. Опрокинул стол, и крышка разлетелась в щепки.

Разбил бутылку с виски, и осколки брызнули во все стороны.

Швырнул в стену стакан, потом ещё что-то и ещё.

Мебель трещала под моими ударами, когти рвали обивку, оставляли глубокие борозды на дереве.

Я хотел убивать.

В голове пульсировало одно: убить. Свернуть ей шею, а этому пацану перемолоть все кости, медленно, косточку за косточкой, чтобы визжал часами. Чтобы запомнил и больше никогда не смел смотреть и трогать моё!

— Ник! — голос Алекса ворвался в красную пелену ярости, но я даже не обернулся.

Рвался к двери, чтобы бежать туда и разорвать их обоих.

— Ник, твою мать!

Бета вцепился в меня сзади, пытаюсь удержать. Я отбросил его, как щенка — он врезался в стену, зарычал, тут же поднялся и снова бросился на меня.

— Успокойся!

— Убери руки! — заорал я, пытаюсь сбросить его. — Она

моя! Как она посмела?!

— Ник, она не знает!

— Ей должно быть плевать! Она моя!

— Она не понимает! — Алекс вцепился мне в плечи, пытаясь заглянуть в глаза. — Для неё ты просто мужик в маске, который трахает её и исчезает! Что она должна была делать? Сидеть и ждать?

— Да! — рявкнул я с каким-то пугающим отчаянием. — Должна!

— С чего бы? — Алекс не отступал. — С чего бы ей ждать тебя? Ты не звонил, не писал, выставил её после секса. Что она, по-твоему, должна чувствовать?

— Она должна чувствовать, что моя!

— Но она не знает этого! — Алекс тряхнул меня. — Она не знает про метку! Не знает, кто ты! Для неё ты просто очередной мудака!

Я замер. Его слова врезались в ярость, но не погасили её, а только разозлили ещё больше.

— Значит, надо сделать так, чтобы она знала, — процедил я сквозь зубы. — Надо было с первого дня показать, кто хозяин.

— Ты показывал. Ты её трахал, мучил, выгонял. И ждал, что она будет тебя любить?

— Я не жду любви. Я жду подчинения.

— Ты ее пугаешь, поэтому она пытается найти хоть какое-то ощущение безопасности и определённости. Просто,

возможно, она хочет, чтобы ее жизнь стала прежней.

Зверь внутри взревел. Я дернулся, отбрасывая Алекса. Он снова врезался в стену, на этот раз сильнее — я слышал, как хрустнуло что-то, когда он ударился.

— Не смей так говорить! — зарычал я, нависая над ним.
— Она моя!

— Тогда докажи это! — Алекс смотрел на меня снизу вверх, не отводя взгляда. — Не круши мебель, не ори, а докажи. Сделай так, чтобы она сама захотела быть с тобой. Или ты не мужик?

Его слова хлестнули как пощёчина.

Я замер. Смотрел на своего бегу, тяжело дыша и чувствуя, как когти медленно втягиваются обратно.

Алекс был прав. Не в том, что я виноват — я не считал себя виноватым и имел право делать то, что делал. Но он был прав в другом: если я хочу, чтобы она была моей, я должен действовать иначе.

Я выдохнул: шумно, тяжело, с хрипом. Отступил от Алекса, давая ему подняться.

— Ты как? — спросил я глухо.

— Жить буду, — прохрипел он, потирая ушибленное плечо. — Ник, ты не в себе. Тебя эта девчонка с катушек сбросила.

— Знаю.

Я рухнул в раскученное кресло, налил себе виски из единственной уцелевшей бутылки, залпом осушил стакан.

Обжигающее тепло разлилось по горлу, но не принесло облегчения.

В комнате пахло разъяренным зверем и разрушением. Я посмотрел на свои руки — они дрожали.

— Я хочу побыть один, — выдохнул, стараясь окончательно взять эмоции под контроль.

— Ник...

— Я сказал — оставь меня.

Алекс смотрел на меня долго, и я видел в его глазах понимание и страх.

— Только не натвори очередных глупостей, — сказал он наконец. — И подумай о том, что я сказал.

— Убирайся.

Дверь хлопнула.

Я остался один в тишине. Смотрел на разгромленную комнату, на осколки ноутбука, в котором только что была она. Там, с ним.

Злость медленно остывала, сменяясь чем-то другим. Холодным. Тяжёлым. Решительным.

Я представил, что они там делают сейчас. Как он целует её. Как трогает. Как она стонет под ним.

Внутри всё перевернулось, и к горлу подступила тошнота, но я заставил себя дышать глубоко и ровно, через силу.

Она не знает. Это единственное, что её оправдывает и спасает от жестокой расправы. Но она узнает. Скоро.

Я сделал ещё глоток виски. Посмотрел на свою руку

— когти убралась, на пальцах запёкшаяся кровь. Моя или Алекса — неважно.

Игры кончились.

Я достал телефон и набрал сообщение. Без подписи:

«Завтра в восемь. Тот же адрес. Без опозданий».

Палец завис над кнопкой отправки.

Я смотрел на эти слова и думал о ней. О том, что она сейчас там, с ним. Что она предаёт меня, даже не зная об этом.

Что она всё равно заслуживает наказания.

Но она узнает и поймёт, кому принадлежит.

Я отправил сообщение и уставился в стену, сжимая в руке стакан.

Завтра она придёт, потому что в глубине души такая же сумасшедшая и порочная как я. И тогда я покажу ей, что значит принадлежать оборотню. Осталось только определиться с тем, в качестве кого я готов ее признать и впустить в свою жизнь.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.